

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 107, август 2023

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И МНОГОПОЛЯРНАЯ ДИНАМИКА

Берлин в 1953 году; Познань, Варшава и Будапешт в 1956-м; Прага в 1968-м; снова Варшава с переворотом 1981 года. Вторая мировая война завершилась *Ялтинским разделом*, но с тех пор относительная слабость российского империализма вынуждала Москву к постоянным военным вторжениям для сохранения контроля над своей сферой влияния.

С имплозией 1991 года распад распространился и на сам СССР, Россия откатилась вплоть до границ допетровской эпохи, и сегодняшняя *украинская война* – это попытка частично исправить, всё теми же военными средствами, эту стратегическую катастрофу. Экономически и политически эта попытка за последние тридцать лет провалилась: Москве не удалось реинтегрировать Киев в Евразийский экономический союз, а буржуазные фракции центральной и западной Украины обратились к Европейскому союзу, опираясь на США и атлантический тропизм новых восточноевропейских членов ЕС. Лишь фракции восточных областей Украины, часть олигархов, поддерживавших автономию русскоязычного бассейна, продолжали смотреть на Москву. Фактом является то, что после провала наступления на Киев весной 2022 года российские цели, похоже, ограничились Донбассом и прилегающими к Крыму территориями.

Пятьдесят пять лет назад рейд русских танков в Прагу не вызвал реальной реакции Запада, как это уже было в 1953 и 1956 годах; наш марксистский анализ сделал важнейший научный вывод об империалистических отношениях в Европе и мире. Так, Арриго Черветто в своём рекогносцировочном исследовании истории партии писал: «*Вторжение в Прагу я рассматривал как проявление “действительного раздела мира”*. В анализе я отвергал утвердившийся тезис о разделе мира между США и СССР. Размышляя о концепциях “равновесия” и “баланса сил”, использованных Марксом и Энгельсом, я пришёл к убеждению, что *ялтинские соглашения, пожалуй, были применением с американской стороны стратегии баланса сил в Европе. Отдавая Восточную Европу СССР, Соединённые Штаты брали в свои руки будущее европейского империализма*»¹.

Научное открытие *действительного раздела* бросило вызов господствующей идеологии обострения противостояния двух блоков, символизируемого образом *холодной войны* между Западом и так называемым *социалистическим лагерем*, собранным вокруг СССР. Историческое осмысление баланса сил в Европе сопровождалось марксистским анализом капиталистических производственных отношений и теорией *унитарного империализма*. Не существовало двух борющихся систем, а была единая глобальная империалистическая система, в рамках которой державы противостояли друг другу в динамике *единства и раскола*. СССР не был социалистической экономикой, а государственным капитализмом и одной из держав этого *унитарного империализма*. Между российским империализмом и империализмом США существовала фактическая конвергенция и союз, чтобы держать европейский империализм разделённым и скованным.

Это научное открытие отставало преэминентность марксистской теории международных отношений и ставило задачу её развития в новых условиях противостояния. Некоторые понятия и критерии метода были утверждены тогда, в 1968 году, другие будут развиваться и уточняться в последующие годы, отталкиваясь от этого первого краеугольного камня.

Отношения между державами имеют специфическое политико-стратегическое измерение, связанное с чисто структурным выражением экономического соотношения сил, но отличающееся от него. Необходимо было *«вернуть вопрос на почву системы государств»*², – писал позднее Черветто, критикуя концепцию Амадео Бордиги, ограничивавшуюся только финансово-экономическими отношениями силы. Существует марксистское использование теории равновесия, баланса сил, которая изучает это специфическое политико-стратегическое измерение международных отношений в условиях унитарного империализма.

Анализ противоречий никогда не может быть ограничен отношениями между двумя отдельными державами, как это было в представлении биполярности между США и СССР, не подтверждались и тенденции к поляризации только между двумя противостоящими блоками. Неравномерное развитие вело к появлению новых держав, особенно в Азии, и тем самым обусловило тенденцию к *многополярности*. Само представление о биполярном противостоянии между Вашингтоном и Москвой в Ялтинском разделе заслонило существование и движение в Европе других столиц унитарного империализма, хотя и ограниченных этой архитектурой равновесия.

Формула *действительного раздела* между США и СССР исходила именно из оспаривания идеологии Ялты и *холодной войны*, критикуя представление о биполярном конфликте. Был ещё один *актор* – европейский империализм, которого это биполярное представление и идеологии “холодной войны” в итоге скрывали. Была ещё и Азия, от Японии

до неприсоединившихся стран, которая не могла быть включена в ялтинский раздел.

«*Ни Вашингтон, ни Москва*»³ – таков был лозунг в начале 1950-х годов группы, стоявшей у истоков организации, которая перешла от либертарного коммунизма к ленинизму и пятнадцатью годами позднее дала начало Lotta Comunista. Если на этом лозунге и была основана первоначальная борьба за интернационализм, то вскоре стало ясно, что одного противостояния с США и СССР недостаточно, поскольку Париж, Лондон, Бонн или Рим также являются столицами унитарного империализма. Революционная стратегия без противостояния европейскому империализму, хотя и оспаривала ялтинские идеологии, рас-

пространяемые российским и американским империализмом, не была бы по-настоящему таковой. Она бы неизбежно оказалась под влиянием или даже в подчинении у европейской идеологии “*третьей силы*”.

(Продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, июнь 2023 г.

1 – Ла Барбера Г. Lotta Comunista: группа, стоявшая у истоков 1943–1952. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2013. С. 181.

2 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 28.

3 – Ла Барбера Г. Lotta Comunista: группа, стоявшая у истоков 1943–1952. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2013. С. 13.

Содержание

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И МНОГОПОЛЯРНАЯ ДИНАМИКА	стр. 1
Европейская и японская неизвестные величины в многополярном балансе	стр. 2
Дилеммы государственного долга	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Британский прагматизм и польская неуступчивость	стр. 4
<i>Российские хроники</i>	
“Незаменимая” Россия	стр. 5
<i>Крупные группы российского империализма</i>	
“Нефтяной посол” России	стр. 6
Турецкий марш и внешнее принуждение для Эрдогана	стр. 7
<i>Европейская оборонная промышленность</i>	
Ракеты-носители и спутники для новой космической гонки	стр. 8
<i>Издательская новинка</i>	
Война на Украине и европейское перевооружение	стр. 9
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Китайская записная книжка	стр. 10
<i>Мировое сражение в автомобилестроении</i>	
Китайская CATL – лидер в аккумуляторах	стр. 11
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
“Анти-Дюринг” и закон против социалистов	стр. 12
Франция: движение Сопротивления и национальное единство	стр. 13
Две политические культуры для Энтони Блинкена	стр. 14
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Немезис “открытых дверей”	стр. 15
Солнце и буря	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Гиганты Азии: Индии

Гуджарат – лаборатория индусского национализма	стр. I
Гуджарат – специальная экономическая зона Индии	стр. II
Группа Адани в испытании индийской открытости	стр. III
Газовые баллоны и iPhone на выборах в Карнатаке	стр. IV

Европейская и японская неизвестные величины в многополярном балансе

(начало на стр. 1)

Концептуальные рамки научного открытия действительного раздела парадоксальным образом завершатся в 1989–1991 годах окончанием отношений между США и СССР с распадом Ялтинского порядка. Распаду СССР способствовали темпы развития Азии, которые Москва не смогла выдержать. Цикл перевооружения, предпринятый в США в период президентства Рональда Рейгана, отражал своеобразную комбинацию игры баланса: Вашингтон намеревался сохранить военное превосходство над всеми державами, включая Европу и Японию, но этот перевооруженческий порыв подорвал способность к сопротивлению российского империализма.

Это был непреднамеренный результат – фундаментальный закон политики. В условиях отсутствия противовеса в лице СССР США лишились военно-стратегической помощи Москвы в сохранении раскола Германии и Европы. Объективное содержание баланса сил в действительном разделе между США и СССР подтвердилось к самому концу Ялты; объединение Германии ускорило создание единого европейского рынка, запустило Маастрихтский договор о превращении ЕЭС в политический союз, привело к объединению монетарной власти в ЕЦБ и расширению ЕС, в новом разделе, который отнял Восточную Европу у России и включил её в архитектуру Евросоюза, состоящую из федеральных и конфедеральных властей. В Вашингтоне решили обусловить одобрение воссоединения Германии её привязкой к НАТО: Соединённые Штаты сохраняли приверженность европейскому балансу, а подтверждение атлантической связи предотвращало возможность свободного движения Германии на Восток и в направлении Азии. Документы о бурных переговорах тех месяцев между Джорджем Бушем и Михаилом Горбачевым свидетельствуют, что даже президент СССР был убеждён, что Германия, сдерживаемая Атлантическим альянсом, предпочтительнее Германии, свободной в своём собственном *Sonderweg*, одиноком пути в трёхсторонних отношениях с другими державами.

В то время под словом «Азия» подразумевалась прежде всего Япония в роли восходящей державы в балансе сил, которая сегодня принадлежит Китаю: на протяжении 1980-х годов Вашингтон рассматривал Токио как промышленную и финансовую угрозу, а восхождение Японии вызвало дискуссию об относительном упадке Америки. С этим связано и другое развитие марксистской теории международных отношений: конец Ялты и то особое равновесие, которое складывалось вокруг объединения Германии и европейского процесса, нельзя было анализировать без учёта Азии.

Именно в отношении Японии Черветто в начале 1980-х годов отметил следствии закона *неравномерного развития*: восхождение новой державы означает появление нового претендента на империалистический раздел, но в специфической динамике равновесия и игры баланса это не обязательно означает только противопоставление устоявшимся державам. В системе государств, движимых борьбой между империализмами, «каждая держава в своём стремлении к образованию альянсов, ослаблению альянсов, использованию альянсов или в стремлении остаться в стороне

от всяческих альянсов заинтересована разыгрывать максимально возможное количество карт»¹. Конец Ялты подтвердил этот научный критерий во всех его нюансах, в потенциальной возможности корреляции между Германией и Японией и в последовавших за этим решениях США и СССР. То же самое можно сказать и сегодня, с вторжением Китая; научные критерии марксистского использования теории равновесия могут быть взяты на вооружение и актуализированы в новой стратегической фазе.

Хотя Соединённые Штаты больше не могут играть в игру баланса *действительного раздела*, американский интерес к связыванию Европы не исчез. Уолтер Рассел Мид даёт свою версию этого, оценивая именно связь между войной на Украине и стратегической шахматной доской Азии. Он пишет в *Wall Street Journal*, что данный конфликт – это «возможность» для США. Украина выйдет из «боевого крещения» в качестве «грозной» силы, с проверенной в боях армией, что изменит стратегический ландшафт: «Она присоединится к Польше, Балтийским республикам и Скандинавским странам в блок, ориентированный на оборону против российского экспансионизма». Поскольку эта опасность сохраняется, этот блок будет привержен Атлантическому альянсу и будет рассматривать США как ключевого союзника для своей обороны. «Он, – внимание, – будет использовать свой вес в НАТО и Европейском союзе против любых попыток более слабых европейцев играть на трёхсторонних отношениях между Вашингтоном и его антагонистами».

При этом, заметим, в новых стратегических условиях, пожалуй, актуализировались две цели – ялтинская и постъялтинская: разжигание раскола в Европе и препятствование игре ЕС на подборе с восходящими Азией и Китаем.

Каждая линия и каждая стратегическая гипотеза должны оцениваться в соответствии с соотношением действующих сил, которые, как мы видели, входят в совокупный параллелограмм сил глобального равновесия. Безусловно, есть фактические элементы, которые указывают на направление, предначертанное Мидом. Противостояние вокруг перспектив вступления Украины в НАТО носит именно такой характер, и среди гипотетических формул есть израильская модель Киева вооружённого, финансируемого и гарантируемого Западом и созданного в качестве постоянного гарнизона против Москвы. Соединённые Штаты сопротивляются полному членству Украины в НАТО: даже если принятие решения будет отложено до окончания нынешней войны, в случае будущего кризиса Атлантический альянс откажется втянут в борьбу с Россией в соответствии со статьёй 5 Договора. Красной линией Джо Байдена, как утверждается, является «недопущение третьей мировой войны».

Генри Киссинджер придерживается противоположного мнения: если в прошлом он был против расширения НАТО за счёт Украины, выступая за её «финляндизацию» в качестве буферного государства, то сегодня он считает крайне опасным перевооружение Киева без привязки его к дисциплине альянса. Даже Владимир Путин, предполагает бывший госсекретарь США в интервью *The Economist*, может быть убеждён в том, что Россия была бы заинтересо-

вана в том, чтобы в Атлантическом альянсе находилась находящаяся под контролем и умеренная Украина. По данным *Le Monde*, Эммануэль Макрон также решил поддержать будущую интеграцию Киева в НАТО, что является тактическим ходом, призванным открыть Польше и странам Балтии путь к переговорам, разубедить Москву и надавить на Владимира Зеленского.

Факт остаётся фактом: Украина в качестве европейского *Израиля* останется вбитым клином в Восточную Европу, долгое время препятствуя восстановлению *Ostpolitik* и обуславливая возрождение отношений между ЕС и Россией. Но корреляция поляков, прибалтов и скандинавов, о которой говорит Мид, если она, конечно, и будет обуславливающим фактором, на самом деле будет обладать такой силой в ЕС и НАТО, чтобы пустить под откос отношения между Европой и Китаем?

В многочисленных интервью по случаю 100-летия Киссинджера, одно замечание, касающееся стратегических пропорций восхождения Китая, заслуживает особого внимания. В *The Economist* Киссинджер высоко оценивает прагматизм индийской внешней политики с точки зрения балансирования Китая, но при этом говорит, что ожидает, что Япония в течение «пяти лет» переступит порог обретения ядерного оружия. Реалистическая адаптивность американской политики будет подвергнута испытанию. В *Wall Street Journal* он уточняет: Китай рассчитывает стать доминирующей державой в Азии. Смирятся ли с этим Индия и Япония? Токио, в ответ, «разрабатывает собственное оружие массового поражения» в течение «трёх, пяти или семи лет».

Два соображения. Надвигаются крупные потрясения: «стратегический сюрприз» – непредсказуемые события, такие как разрывы или развороты альянсов, – это ещё одна закономерность изменения баланса сил. Наряду с Китаем на первый план выходят другие крупные и средние державы, что приводит к изменению мировой динамики; США, Европа и Китай конкурируют за отношения с так называемым «глобальным Югом». Трудно представить, что Вашингтон сможет направлять все изменения такой сложной игры баланса; мировая Ялта была невозможна во времена *действительного раздела* между США и СССР, и это тем более верно сегодня, когда в результате длительного развития произошёл относительный *атлантический упадок* и укоренился плюрализм сил многополярности.

Во-вторых, возможность превращения Японии в ядерную державу намекает на интенсивность линий разлома, проходящих через глобальный порядок. На первый взгляд, существует диспропорция между изменениями, вызванными войной на Украине – конфликтом, который представляется пережитком катастрофы СССР 1989–1991 годов и остаточных серых зон нового раздела, – и их усугубляющими последствиями для немецкой *Ostpolitik*, отношений между Европой и Россией, будущим напряжением на Востоке и предполагаемым смещением центра тяжести ЕС в сторону Польши и стран Балтии. Если видеть в войне эффект колоссального сдвига сил, вызванного вторжением Китая, то всё сходится. Путин неожиданно начал свою военную авантюру, полагая, что кризис порядка предоставил ему такую

возможность, и ничто иное как тектонический сдвиг, происходящий из Азии, застал Европу на середине пути, всё ещё отстающей в своей недостаточной военно-политической централизации.

Если так, то возникает ещё одна диспропорция, связанная с возможностями реагирования Берлина и Парижа. Если ожидается ядерный Токио, то как рейнская ось может двигаться пропорционально?

Речь Макрона на форуме *Globsec* – это, пожалуй, наиболее чёткое изложение возможных целей игры ЕС от обороны в условиях кризиса на Украине, который усилил позиции Атлантики и обнажил европейское отставание. По возвращении с саммита Большой семёрки в Токио Макрон говорил о Европе как «третьем полюсе» между США и Китаем. В Братиславе французский президент, с одной стороны, обратил внимание на атлантический момент, который сделал своим центром Восточную Европу: «есть только одна Европа»; было неправильно не прислушаться к Востоку по поводу Украины; идея «замены НАТО франко-германским кондоминиумом» исключена; Европейская армия будет «опорой НАТО». Фокус на Восточной Европе переключается и, возможно, конкурирует с акцентами, расставленными в августе прошлого года Олафом Шольцем в его программной речи в Карловом университете Праги, но Макрон возвращается к понятиям «стратегическая автономия» и «европейский суверенитет» с набором определённых целей: «промышленная база» для военного суверенитета; европейский голос в договорах о ракетном и ядерном сдерживании; «потенциал глубокого удара» в баллистических ракетах; «противовоздушная оборона», которая учитывает «ядерное сдерживание».

Есть ли у Макрона существенный консенсус с немецкой стороны? Если в Париже и Берлине дальнейшее расширение ЕС ставится в зависимость от усиления способности федерального ядра принимать решения большинством голосов, то практические шаги для такого скачка в политической централизации не кажутся определёнными. Принятый в Берлине документ по национальной безопасности пока представляет собой лишь общие рамки. По вопросу о противоракетном щите Франция и Германия, похоже, скорее конкурируют, чем сближаются. Париж возражает против того, что проект Европейской поддержки социальных инноваций (ESSI) не основан на европейской промышленной базе и ставит вопросы стратегической доктрины, сообщает *Le Monde*: инициированный Германией противоракетный щит может «нарушить балансы, связанные с ядерным сдерживанием» и возобновить гонку атомного перевооружения. Что касается европейского сдерживания, то ХДС Фридриха Мерца предполагает создание «зонтика» на основе французского и британского ядерного оружия, а не просто европеизации *force de frappe*². Европейское перевооружение началось. Скоординированный же ответ рейнской оси, соразмерный стратегическому вызову, задерживается.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

1 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 210.

2 – Сил ядерного сдерживания.

Дилеммы государственного долга

Оценки перспектив роста мировой экономики, опубликованные в начале июня Всемирным банком и ОЭСР, демонстрируют, что эффекты фискального и монетарного допинга, щедро введённого в экономику в роковой год пандемии столетия, иссякают. По данным Всемирного банка, в 2021 году огромные дозы субсидий, налоговых скидок и инвестиционных планов подтолкнули рост ВВП до 6 %, а рост мировой торговли – до невероятных 11 %, при этом по сравнению с рецессионным 2020 годом это означало ещё больший «отскок» – соответственно, 9 и 19 %.

В 2022 году темпы роста сократились вдвое (ВВП вырос на 3,1 %, торговля – на 6 %). В 2023 году замедление продолжится (2,1 % и 1,7 % соответственно). В «развитых» странах ВВП вырастет на 0,7 %, а в «развивающихся» – на 4 %. В следующем году ожидается улучшение с ростом ВВП на 2,4 %, но преобладает неопределённость: ещё 5 месяцев назад Всемирный банк указывал, что в 2024 году мировая экономика обречена на рецессию, причём во всех регионах. ОЭСР даёт несколько лучшие оценки роста ВВП: 3,3 % в 2022 году, 2,7 % в 2023-м, 2,9 % в 2024-м.

Падение производительности

Всемирный банк и ОЭСР сосредоточены на разных регионах – соответственно, на «развивающихся» странах и более «развитых» метрополиях. Но болезненное наследие пандемии, а также инфляционные боли, высокие процентные ставки, долги, от которых трудно избавиться, неопределённость, усугублённая войной, и острота геополитического противостояния ощущаются повсюду. Всемирный банк обеспокоен инфляцией на периферии мира как причиной обнищания, а также последствиями повышения процентных ставок и укрепления доллара для долгов «развивающихся» стран. ОЭСР обеспокоена сохранением высокой инфляции, влиянием высоких ставок на рынки облигаций, банковские балансы и кредит, но, прежде всего, уровнем долга в метрополиях и снижением «потенциального роста» в странах ОЭСР, в частности, из-за падения производительности и капиталовооружённости труда, старения трудоспособного населения и снижения уровня занятости. Потенциальный годовой рост ВВП снизился примерно с 3,5 % в 1970 году до 1,5 % сегодня. Сенсационным примером является Япония, где рост производительного капитала рухнул с 5 % в год в 1980 году почти до нуля в 2010-м. В Еврозоне рост снизился с почти 3 % до менее 1 %. В США его снижение было ещё больше: примерно с 4 % в 1980 году до 1 %.

Главный экономист ОЭСР Клэр Ломбарделли обозначила приоритеты стран ОЭСР: возврат к 2 % инфляции; сохранение процентных ставок на недавнем высоком уровне или даже выше; отмена «всеобщей фискальной поддержки», раздаваемой во время пандемии; поддержка инвестиционных планов ЕС и США по изменению климата; наконец, указанная *Financial Times* необходимость препятствования подрыву цепочек поставок и «совершенно разумное» обеспечение их безопасности в рамках «обширной системы глобальной торговли, основанной на правилах». Прозрачный

намёк на крестовый поход Вашингтона против китайцев и ВТО.

Фискальная битва Вашингтона

В период с 2007 года по сегодняшний день, когда произошли мировой финансовый кризис и пандемия столетия, разрыв между федеральным долгом США и еврозоны вырос на 30 процентных пунктов ВВП. Вначале два долга в относительном выражении были примерно равны: в США – 64 % ВВП, в еврозоне – 66 % ВВП. В 2022 году долг США достиг 122 % ВВП, а долг еврозоны – 91 % ВВП. Европа имела фискальные ограничения, которые нужно было соблюдать. Тем не менее то тут, то там возникали призывы к обдумыванию преимуществ дополнительного долга в фазе низкого инфляционного давления и низких процентных ставок, например, в случае с низким уровнем государственных инвестиций в Германии.

В мае вопрос долга вовлёк Белый дом Джо Байдена в армстрелинг с Конгрессом, где большинство составляют республиканцы: президент потребовал увеличения потолка долга без каких-либо условий, республиканское же большинство настаивало на сокращении госрасходов. В новостях сообщалось, что с 1962 года Конгресс принимал решение пересмотреть потолок госдолга 78 раз. Но нынешняя поляризация американской двухпартийной системы превращает привычную практику в балансирование на грани войны (*brinkmanship*), что, по словам министра финансов Джанет Йеллен, может привести к «катастрофическим экономическим последствиям». Самый серьёзный эпизод этой борьбы произошёл в 2011 году, при президенте Бараке Обаме, когда из-за перетягивания каната между президентской администрацией и Конгрессом Вашингтон потерял свой кредитный рейтинг «AAA». В то время американский долг составлял менее 15 трлн долл., или 96 % ВВП. Теперь он удвоился до 31,4 трлн, или 124 % ВВП. Достигнутый компромисс – двухлетнее фискальное перемирие – был отвергнут 2/3 сенаторов-республиканцев. Байден был вынужден пойти на переговоры, но предложенное им сокращение госрасходов оказались гораздо ниже того, что требовали республиканцы – по данным *New York Times*, оно составит 860 млрд долл. за десятилетие против запрашиваемых 3,2 трлн долл.

Бывший торговый представитель, а затем заместитель госсекретаря при Джордже Буше – мл. Роберт Зеллик на страницах *Wall Street Journal* прямо напал на «новый Вашингтонский консенсус» соавтора по национальной безопасности Джейка Салливана, так как считает, что последствия этого консенсуса для федерального долга будут негативными. По мнению Зеллика, повестка Салливана (защищённая национальная экономика, промышленная политика с огромными субсидиями, использование антитраста для воспрепятствования концентрации, экспансия солнечной энергетики, форсирование инвестиций, в том числе иностранных) «увеличит федеральный долг и будет выдавливать всё больше и больше частных инвестиций». Эта карикатура обременённой долгами сверхдержавы не затрагивает никаких стратегических последствий промышленной и международной повестки Салливана, но указывает на то, что проблема долга в американской электоральной суматохе уйдёт из дебатов ещё не скоро. *Washing-*

ton Post назвала процедуру, посредством которой Конгресс должен через потолок долга санкционировать обязательства по расходам, уже утверждённые самим Конгрессом, «самым идиотским ритуалом» в Вашингтоне. Но за этим «идиотским ритуалом» стоит вопрос: есть ли предел государственному долгу?

Долг и паразитизм

Кармен Рейнхарт и Кеннет Рогофф в книге *“This Time Is Different”*, выпущенной в 2009 году, сразу после мирового финансового кризиса, указывали, что критическим является уровень долга в 90 % ВВП. В 2011 году, в разгар долгового кризиса, эти два экономиста, чтобы объяснить «важность правила 90 процентов ВВП», написали короткое эссе, где утверждали, что в то время «государственный долг в развитых странах достиг уровня, невиданного со времён окончания Второй мировой войны». Это не уровень, при котором неминуемо происходит дефолт, но порог, при достижении которого в половине случаев происходит потеря роста: авторы получили эту зависимость эмпирическим путём при изучении долгов 44 стран за 200-летнюю историю.

Если отвлечься от этого конкретного числового показателя, то связь госдолга с ростом заложена в самой природе империализма, в эпоху которого, пишет Ленин, рождаются как «тенденция к загниванию», так и «быстрый рост капитализма», который, однако, становится «более неравномерным», создавая обширные паразитические слои, пожирателей, а не производителей прибавочной стоимости, которые размножаются в «загнивании самых сильных капиталом стран»¹. Государственный долг есть одна из форм фиктивного капитала, которым государство кормит полчища *рантье* и себя в качестве *государства-рантье*. Растущая задолженность является одной из причин замедления цикла, но, как мы только что видели, основные факторы замедления в самых «богатых» метрополиях коренятся в демографии, недостаточных капитальных вложениях, протекционистских искушениях наиболее уязвимых к конкуренции государств и недалёкой миграционной политике. С другой стороны, возможно, как в случае Японии, именно замедление цикла стимулирует реакцию государства на задолженность.

Кейнсианская необратимость?

В Европе идут переговоры о новом пакте стабильности. Экономист Natixis Патрик Артюс в статье для *Le Monde* скептически оценивает действия некоторых правительств и центральных банков стран ОЭСР по восстановлению определённой степени строгости бюджетной политики. Он отмечает, что после длительного периода экспансионистской бюджетной политики «очень трудно, если не невозможно, выйти из неё без ущерба. На самом деле она стала необратимой, потому что возврат к традиционной политике будет иметь серьёзные недостатки и может спровоцировать кризис». По словам Артюса, сокращение долга, наблюдавшееся в 2021, 2022 и 2023 годах, по сути, является арифметическим эффектом, вызванным низким уровнем долгосрочных процентных ставок, которые были меньше, чем рост номинального ВВП, вызванный инфляцией. Этот эффект, по его словам, исчезнет в 2024 году, и тогда для стабилизации государственных финансов потребуется «исчезновение первичного

дефицита [то есть общего дефицита госбюджета, уменьшенного на сумму процентных выплат по госдолгу]».

Согласно прогнозу МВФ (*“Fiscal Monitor”*, апрель 2023) до 2028 года, Ирландия и Италия получили первичный профицит в среднем чуть менее 2 %, но в 2028 году Италия будет отягощена валовым долгом в размере 132 % ВВП; Германия вернёт свой профицит только в 2025 году, а её долг упадёт ниже 60 % в 2028 году; Испания и Франция сохранят отрицательное сальдо в течение всего периода – в среднем 1,4 и 2,4 % соответственно, но Франция будет единственной крупной европейской страной с растущим до 2028 года валовым долгом. Соединённые Штаты до 2028 года сохраняют отрицательное первичное сальдо бюджета на уровне 4 %, и они также будут страной с растущим валовым долгом, который к 2028 году достигнет 136 % ВВП, что больше итальянского долга.

Тезис Артюса о «необратимости», кажется, отражает статус-кво во Франции и недавний опыт мобилизации в защиту пенсий. По его мнению, уровень государственных инвестиций уже сейчас слишком низок, а для обеспечения энергетического перехода их потребуется больше; госрасходы на образование, здравоохранение, исследования и оборону должны будут вырасти; парламенты отклонят призывы к увеличению налогов; те же попытки центральных банков облегчить свои балансы будут сорваны последствиями повышения ставок. Артюс видит «двойную необратимость – фискальную и монетарную». Министр финансов Брюно Ле Мэр, кажется, придерживается другого мнения. Он исключает возврат к жёсткой экономии, но, чтобы предотвратить понижение кредитного рейтинга Франции, похоже, намерен стабилизировать счета: провести пенсионную реформу, положить конец мерам защиты ковидной эпохи, уменьшить поддержку рынка труда.

Возвращение к бюджетной дисциплине будет изнурительным, и велик соблазн для снижения долговой нагрузки положиться на процентную политику центрального банка и инфляцию.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 422, 423.

Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Европейские хроники

Британский прагматизм и польская неуступчивость

И в Лондоне, и в Варшаве поддержка Украины является составной частью внешней политики, нацеленной на укрепление «атлантического момента» и подавление любого движения в сторону большей европейской автономии ради трансатлантического единства. Действия британского правительства Риши Сунака всё же не помешали ему улучшить отношения с Европейским союзом в течение последних месяцев, но того же нельзя сказать про польское правительство.

Прагматизм Сунака

Хотя на словах Сунак продолжает защищать «успехи» брексита, он продемонстрировал гибкость и прагматизм, что контрастирует с неуступчивостью его предшественников Бориса Джонсона и Лиз Трасс. 27 февраля вместе с Урсолой фон дер Ляйен он анонсировал *Windsor Framework*, который облегчает торговлю между Великобританией и Северной Ирландией и снимает напряжённость, вызванную североирландским протоколом договора о выходе Британии из союза, который в 2019 году подписал Джонсон. Во время голосования в Палате общин только 22 парламентария-консерватора из 351 выступили против, а лейбористы его поддержали.

Став лидером лейбористов, Кир Стармер сдвинул свою партию к центру и изолировал её левое крыло, близкое к бывшему лидеру Джереми Корбину. Свои обязательства дать больше власти рабочим в отношениях с хозяевами предприятий Стармер уравнивал выражением патриотизма, призывами к налоговой дисциплине и закону и порядку, а также готовностью к диалогу с предприятиями.

Автомобилестроительная компания Stellantis, выпускающая Alfa Romeo, Chrysler, Citroën, Dodge, DS, Fiat, Jeep, Lancia, Maserati, Opel, Peugeot и Vauxhall, предупредила, что, возможно, будет вынуждена закрыть свои предприятия в Великобритании, потому что вступление в силу в 2024 году таможенных пошлин, предусмотренных договором о брексите, сделает производство не прибыльным. Стармер показал, что готов прислушаться к опасениям, и сразу же пообещал сделать условия договора более выгодными и добиться «более тесных экономических отношений» с ЕС. Однако пояснил, что это не означает «возвращения в ЕС» или на общий рынок (*The Daily Telegraph*, 18.05.2023).

Цена брексита

Визит Сунака в Вашингтон в начале июня демонстрирует, как явно проявляется цена брексита на поле электрической и цифровой реструктуризации, где имеют вес промышленная политика и субсидии крупных держав. Согласно комментарию *Times*, перед лицом «экзистенциальной угрозы» в виде американской программы субсидий (*Inflation Reduction Act*) «малым западным державам» приходится выбирать из двух вариантов – «присоединиться к невозможной гонке субсидий, которую питает долг», или «приветствовать американцев и надеяться на особое отношение». Газета лондонского истеблишмента считает: «Сунак знает, что Великобритания не может субсидировать свои оставшиеся индустрии

в той же мере, как это делают Соединённые Штаты и как это решил делать Европейский союз». Значит, было бы «грубо» критиковать его за «умеренные» уступки, которых он добился от Штатов (9 июня).

Лондон зажат между США, ЕС и Китаем на поле промышленной политики – толкнёт ли его эта ситуация на ускорение сближения с Евросоюзом? По мнению редактора *Financial Times* Джанана Ганеша, ещё слишком рано порывать с «омертвой брексита», нужно подождать, вероятно, до «конца этого десятилетия». Хотя опросы общественного мнения показывают, что большинство избирателей сожалеет о брексите, «следует предоставить им возможность самостоятельно понять», было ли решение ошибкой. Поскольку, объявив об этом слишком рано, можно спровоцировать «защитную реакцию». В любом случае время ожидания «имеет свою цену» (24 мая).

Националистическая электоральная кампания

Украинская война позволила отодвинуть на второй план разбирательство Польши с ЕС по поводу правового государства и независимости судебной ветви власти – 36 млрд евро субсидий и займов из европейского Фонда восстановления остаются заблокированными из-за этого конфликта. В преддверии осенних выборов правительство запустило националистическую кампанию, играя на травмах прошлого, чувстве жертвы и неприязни к Германии и России. В октябре 2022 года Варшава отправила в Берлин требование 1,3 трлн евро военных репараций, чтобы компенсировать урон, полученный в ходе второй мировой войны.

Особенный аспект этого требования, показывающий всю значимость истории в Польше, состоит в том, что в общую сумму ущерба включена Вольнская резня, когда украинские националисты убили порядка 100 тыс. поляков. Поскольку она произошла в условиях немецкой оккупации, Варшава полагает, что платить должна Германия. Требование компенсации – не только инструмент электоральной кампании, но и попытка подорвать представления о немецкой надёжности на международной арене. Тем не менее в Польше звучит и критика такого подхода. Например, проевропейская консервативная газета *Rzeczpospolita* опасается, что «сомнения в существовании правового государства и продолжающиеся атаки правительства на Германию [не дают Польше] использовать недавно приобретённые силы, чтобы влиять на позицию Соединённых Штатов и Германии» (14.04.2023).

Последним шагом Варшавы, спровоцировавшим жёсткую реакцию со стороны Вашингтона и Брюсселя, было принятие в конце мая закона, учреждающего комиссию, призванную задним числом расследовать «российское влияние». Эту меру прозвали «Lex Tusk», потому что создание комиссии, уполномоченной на 10 лет отстранять «виновных» от государственной службы, рассматривается как попытка помешать участвовать в грядущих выборах Дональду Туску, лидеру крупнейшей

оппозиционной партии и бывшему президенту Европейского совета.

Речь в Гейдельбергском университете

Директор *Gazeta Wyborcza* Адам Микник рассматривает закон как форму маккартизма в его наиболее «примитивной и грубой» форме (*Project Syndicate*, 09.06.2023). Однако, согласно опросам, «Право и справедливость» (доминирующая партия в правительственной коалиции правых сил) всё ещё несколько опережает «Гражданскую платформу» Туска.

В речи в Гейдельбергском университете в конце марта премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий изложил своё видение Европейского союза. Оно было отмечено этнорелигиозным национализмом «Пис», который противопоставляет восхваление национального государства и «цивилизации» «христианской Европы» призраку ЕС как «бюрократической автократии», в которой правят «панъевропейские космополитические элиты».

«Европеизм», с точки зрения Моравецкого, означает поддержку расширения союза. По мнению бывшего банкира, «более крупный общий рынок» может сделать Евросоюз «важным глобальным актором». При этом идея, что ЕС «нуждается в реформах, чтобы расширяться», «часто является завуалированным предложением федерализации» и «централизации». Моравецкий выступил против расширения использования голосования квалифицированным большинством, которого требуют Германия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Франция, Испания, Финляндия и Словения. Он объяснил: не располагая правом вето, Польша, Балтийские страны и Финляндия не смогли бы заблокировать попытку Ангелы Меркель организовать саммит ЕС – Россия летом 2021 года. Меркель надеялась разрядить напряжённость в отношениях с Россией, а польское правительство опасалось «умиротворения», которое сделало бы Москву более напористой. Три раза Польшу делили между собой великие державы – история разделов укоренила в польском национализме одержимость национальным суверенитетом и глубокое недоверие к любым соглашениям между государствами за счёт Польши.

Польша в обороне

С точки зрения Моравецкого, в области европейской безопасности НАТО является «жизненно важным» и должен быть «усилен и развит». Премьер также выразил надежду, что страны Европы будут «достаточно сильны в военном плане, чтобы не нуждаться во внешней поддержке в случае нападения». Некоторые обозреватели усмотрели в этом утверждении открытие Европе по вопросу обороны, однако массовые закупки Польшей американской и южнокорейской военной продукции на данный момент опровергают эту интерпретацию. Вероятно, более правильно было бы сказать, что в этих словах заключается страх быть оставленными Соединёнными Штатами, а не настоящее желание участвовать в интегрированной европейской обороне.

«В интересах европейского равновесия» в Гейдельберге Моравецкий по-

просил расширить на Польшу франко-немецкую «взаимную чуткость». Можно заметить здесь требование поставить в центре ЕС Веймарский треугольник (Париж – Берлин – Варшава) взамен франко-немецкой оси. В этой претензии слышатся отголоски формулы «Третьей Европы», о которой накануне второй мировой войны теоретизировал министр иностранных дел Польши Юзеф Бек, или концепции Междуморья, которую после первой мировой войны преследовал польский президент Юзеф Пилсудский. В обоих случаях речь шла о создании полюса силы под руководством Польши между Германией и Россией. Эти планы провалились тогда не только по причине очень нестабильных геополитических условий, в которых находилась страна, но также и потому, что межвоенные польские лидеры «были ослеплены амбициями снова превратить свою страну в великую державу», как пишет историк Пьер Гроссе (*Pourquoi la Seconde Guerre mondiale?*, 2022).

Европейская сила притяжения

В статье «Польский национальный риск» (Пролетарский интернационализм. 2021. Ноябрь. № 87) мы предполагали: «Если Европа станет «державой, которая защищает» не только экономически, но и политически и в военном отношении, возможно, это повысит её привлекательность для Варшавы». Эта возможность исчезла с шокотом войны на Украине, которая разбередила раны и неуверенность Польши, заставив её оживить свою оппозицию рейнской конвергенции.

В то же время, как показывает мертворождённая Конференция о будущем Европы, на данный момент война помешала усилиям произвести централизацию, в которой европейский империализм нуждается, чтобы представить себя политической и военной державой, способной успокоить Варшаву. Время покажет, сможет ли будущее рейнское контрнатупление изменить ситуацию.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

Ренато Пасторино

Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Российские хроники

“Незаменимая” Россия

31 марта была принята новая Концепция внешней политики России. За современную, начавшуюся после распада СССР, историю российского империализма это уже пятый вариант документа (первый появился в апреле 1993 года), в котором излагаются внешнеполитические принципы Кремля. Если первые четыре версии (1993, 2000, 2008 и 2013 гг.) выступали в качестве программного документа приходившего к власти нового главы государства (Б. Ельцина, В. Путина, Д. Медведева и снова В. Путина), то нынешняя редакция является *реакцией на ключевые тенденции мирового развития* (РСМД, 2 мая 2023).

Если в 2013 году российская буржуазия считала себя *«неотъемлемой, органичной частью европейской цивилизации»*, то в новом документе декларируется, что Россия является не чем иным как *самобытным государством-цивилизацией*. Фундаментом самоосознания России объявляется опора на собственные источники силы, ресурсы и традиции, на *«более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности [...] обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»*. Это понятие, уходящее корнями в теорию официальной народности графа Сергея Уварова (1786–1855), не использовалось ни в одной из опубликованных ранее внешнеполитических доктрин Кремля, но уже давно находится на вооружении РПЦ и ультранационалистов. Так, 17 июня 2010 года в докладе для “Школы российской политики”, организованной Центром социально-консервативной политики (ЦСКП), игумен Филипп Рябых, на тот момент заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (МП), а теперь уже второе десятилетие представитель МП при Совете Европы, объяснял, что “Русский мир” – это *«историческая, цивилизационная общность, образованная общими ценностями и общим опытом общественного строительства»*, и пояснял, что *«Россия не может быть частью такой цивилизационной общности, в которой она не является признанным центром или по крайней мере одним из важнейших центров»*.

В прочтении заместителя председателя Совета Федерации РФ Константина Косачева, выбор, сделанный в новой внешнеполитической доктрине, *«означает, что Россия больше никуда не идёт, ни в какие цивилизационные союзы и группировки»* (“Известия”, 3 апреля 2023).

Для значительной же части правящего класса всё далеко не так однозначно. *«Немудрено провозгласить цивилизацией себя, куда сложнее понять, как именно выглядит упорядоченный подобным образом мир»*, – пишет доцент факультета политологии МГУ Кирилл Телин (“Россия в глобальной политике” № 3, май/июнь 2023). И это ещё не всё. *«Ни крестовый поход против неокolonизма, ни новые цивилизационные расклады, ни постулирование особой миссии не обретут политического смысла, пока не будут поняты, поддержаны и присвоены подавляющим большинством населения»*, а *«практика последнего времени показывает, что и с однозначным объяснением и легитимацией куда менее масштабных событий*

и процессов у отечественных информационных машин, сдержанно говоря, бывают проблемы».

Цивилизационный подход

Теоретические корни современной внешнеполитической доктрины Кремля можно найти в работах Жозефа Гобино (1816–1882), Генриха Рюккерт (1823–1875), Николая Данилевского (1822–1885). Именно последний, будучи идеологом панславизма, в книге “Россия и Европа” (1869) противопоставил стареющей западноевропейской цивилизации молодую восточноевропейскую – славянскую. Дальнейшее развитие цивилизационного подхода связано с именами Освальда Шпенглера (1880–1936), Арнольда Тойнби (1889–1975), Элвина Тоффлера (1928–2016) и Сэмюэла Хантингтона (1927–2008).

Что объединяет эту весьма широкую палитру? Все они рассматривают динамику международных отношений сквозь призму конфликтов на цивилизационной основе. В том числе и такой видный представитель политического реализма, как Генрих Киссинджер, подмечает Гундо Ла Барбера, *«помещая на первый план исторические корни политических культур в различных районах земного шара, пользуется теорией “столкновения цивилизаций”. Это расхождение в политических культурах якобы является одним из факторов обострения напряжённости, а понимание специфики каждой цивилизации – способом её сглаживания»*. Этому видению Ла Барбера противопоставляет марксистский подход: *«В действительности, после цикла развития, последовавшего за второй мировой войной, формы буржуазного политического господства всё более становились формами империалистической демократии, и эта типичная черта стремилась навязать себя или составить комбинацию с конкретными формами различных политических культур»*.

В корне противостояния лежит не *«столкновение цивилизаций»*, а *«неравномерное развитие, и в конфронтации между державами, приведёнными в движение этим самым неравномерным развитием, материалы традиции используются в качестве политического оружия»*¹.

Формационный подход

Карл Маркс в предисловии к своей работе “К критике политической экономии” излагает ключевые принципы формационного подхода к историческому процессу, говоря о *различных способах производства в рамках одной эпохи экономической формации: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»*². И продолжает: *«буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»*³.

В третьем наброске письма Вере Засулич Маркс возвращается к этой теме и пишет: *«Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостническом»*⁴.

Ленин в работе “Экономическое содержание народничества”, разъясняя

это важнейшее понятие исторического материализма, пишет: *«Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт – способ добывания средств к жизни, теория классового боя «поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений (“производственных отношений” по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»*⁵. Разбирая статью Николая Бухарина “Империалистическое разбойничье государство”, Ленин объясняет: *«Государство является исторической категорией. Это значит, что государство 1) не представляет собой вечный закон общества, а только преходящую 2) общественную формацию»*⁶. Таким образом, согласно марксистской науке, государство является преходящей, основанной на конкретном способе производства категорией. Иными словами, сегодня существует российское империалистическое государство, надстройка над капиталистическим базисом с его буржуазной культурой и идеологией.

Заметим, и это тема для отдельного разговора, Кремль, используя цивилизационный подход, ставит под сомнение лишь “западную модель” капитализма и её политические формы, а не капиталистический способ производства.

Поворот в Азию?

Чрезвычайный и полномочный посол России Александр Крамаренко не согласен с теми, кто утверждает, что разрыв с Европой означает неизбежный поворот в Азию: *«Это ложный выбор, и не надо опасаться, что альтернатива Европе – это впасть в “азиатчину»* (“Россия в глобальной политике”, 4 мая 2023). Фактически официальная линия Кремля заключается в выстраивании стратегии *«собственного»* развития и стремлении стать одним из центров многополярного мира. Но в этом подходе имеются оттенки.

Так, главный редактор журнала “Россия в глобальной политике” Фёдор Лукьянов на страницах майского номера итальянского *Limes* дистанцируется от тех, кто воспринимает Россию как “анти-Запад”, и пишет: *«У Москвы есть ряд преимуществ, поскольку она во многом самодостаточна и её очень трудно обойти. У неё достаточно ресурсов, и через некоторое время всё встанет на свои места [...] для продолжения торговли придётся устанавливать новый тип отношений»*. Не существует системной глобальной русофобии, а есть *«норма международных отношений, где каждый борется за реализацию своих интересов, часто за чужой счёт»*. Россией движет *«страх перед тем, что против неё ополчатся все остальные»*, но со временем *«станет ясно, что даже если они и объединятся, то только на короткий срок и для решения конкретных задач»*.

Уже в условиях войны на Украине, продолжает Лукьянов, *«строится что-то новое в отношениях с Европой, и пока неясно, что именно»*.

Москва, считает он, *«должна стремиться быть не мировым лидером, а*

тем, что Мадлен Олбрайт [...] назвала “незаменимой державой (или нацией)” [...] Такой “незаменимостью” должно быть само существование России и гарантия её прочности во времени, что в любом случае обяжет других смириться с ней. В каком-то смысле именно так позиционирует себя сейчас Индия – не потому, что хочет, а потому, что должна».

Сублимация
неполноценности

Делая выбор в пользу цивилизационного подхода, идеологи российской империалистической буржуазии идут по стопам народников XIX века, которые, как пишет Арриго Черветто в книге “Классовая борьба и революционная партия”, *«анализируя русскую действительность, видели в ней только те социальные явления, которые отличали её от других стран и, следовательно, были неспособны выявить детерминирующие факторы (производственные отношения), объединявшие её со всеми остальными странами»*⁷.

В условиях обострения мирового империалистического противостояния российская буржуазия ощущает собственную уязвимость, незащищённость и пытается сформировать особую систему идеологических координат, иллюзорное видение действительного мира. Она обосновывает *«особый русский путь»*, противопоставляя его “порядку, основанному на правилах”. В определённой мере это resentment по поводу того, что тридцатилетние попытки стать *«равноценной»* частью Запада окончились неудачей. В этом плане *«особый русский путь»* или русский мир является переводом немецкого Sonderweg.

Июль 2023 г.

1 – Ла Барбера Г. Взгляд Генри Киссинджера на мировую порядок // Пролетарский интернационализм. 2015. Июнь. № 10.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 7.

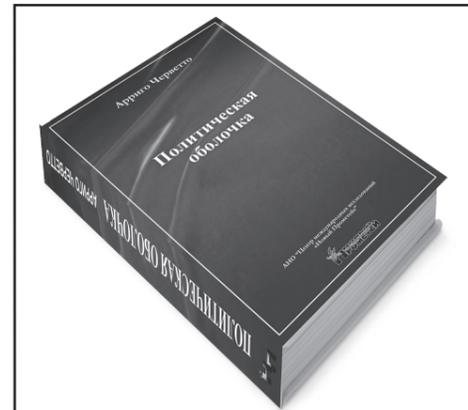
3 – Там же. С. 8.

4 – Там же. Т. 19. С. 419.

5 – Ленин ПСС. Изд. 5-е. Т. 1. С. 429.

6 – Там же. Т. 33. С. 332.

7 – Черветто А. Классовая борьба и революционная партия. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2014. С. 48.

Арриго Черветто

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

326 страниц, мягкий переплёт,
примечания, биографический
справочник, алфавитный указатель.

ISBN: 978-2-912639-28-8

Цена 250 руб.

Крупные группы российского империализма

“Нефтяной посол” России

ЛУКОЙЛ стремился к зарубежной экспансии с самого рождения, более того, без зарубежной стратегии Алекперову не удалось бы успешно консолидировать и финансировать свою компанию. Уже в июле 1994 года, компания объявила о продаже 15 % акций иностранным инвесторам, стремясь получить финансы от самых известных в отрасли фирм. Для этого она заказала финансовый аудит и оценку запасов нефти по западным стандартам, что в итоге дало свои результаты.

Но ещё раньше ЛУКОЙЛ начал проникать в сферу “привилегированных интересов” России – республики бывшего СССР. Начал работать в Казахстане, в Азербайджане заключил соглашение с ГНКАР, в 1994-м подписал контракт века на разработку шельфовых месторождений, приобретя 10 % акций, затем купил доли в проектах, связанных с месторождениями Шах-Дениз, Ялама и Карабах. Российский империализм стремился восстановить влияние на постсоветском пространстве, и одним из инструментов этого стал “энергетический диалог” с другими странами СНГ. Старший директор основанной Дэниэлем Эргиним консалтинговой компании IHS CERA Тейн Густафсон в своей книге “Колесо фортуны. Битва за нефть и власть в России” пишет, что основным его проводником был ЛУКОЙЛ, превратившийся в “нефтяного посла”, однако он так *«активно действовал в сферах российских интересов, что западные СМИ часто выступали Алекперова»* – президент и совладелец ЛУКОЙЛ в 1993–2022 годах – троянским конём «российской дипломатии».

Далее ЛУКОЙЛ начал продвигаться и в сферы влияния старых метрополий: в 1997 году он купил контрольный пакет в российском консорциуме, созданном для освоения иракского месторождения Западная Курна – 2; с итальянской Agip образовал совместное предприятие для работы в Тунисе, Египте и Ливии; во 2-ой половине 1990-х годов проник в иностранную нефтепереработку, приобретя НПЗ в Болгарии, Румынии и на Украине.

На данный момент ЛУКОЙЛ реализует международные проекты в области разведки и добычи нефти и газа в 13 странах Среднего Востока и Центральной Азии, Западной Африки, Европы и Центральной Америки (Азербайджане, Ираке, Казахстане, Узбекистане, Египте, Норвегии, Камеруне, Румынии, Нигерии, Ганы, Мексики и ОАЭ); владеет рядом дочерних трейдинговых и перерабатывающих компаний в Европе: швейцарской LITASCO, сетью АЗС, локальными трейдинговыми компаниями в странах Европы и перерабатывающими предприятиями Burgas (Болгария), Ploiesti (Румыния) и Vlissingen (Нидерланды); присутствует на розничном рынке нефтепродуктов США, где управляет сбытовой сетью в 11 штатах на Восточном побережье. До недавнего времени ЛУКОЙЛ был одним из крупнейших российских инвесторов в Италии, владея там (через LITASCO) ISAB – третьим в Европе по объёму переработки нефти НПЗ, занимающимся оптовой и розничной реализацией нефтепродуктов, базовых и готовых смазочных масел, а также нефтехимии и производящим 22 % топлива, потребляемого в Италии. Но после начала украинской войны это предпри-

ятие столкнулось с резким снижением поставок из-за санкций против российской нефти и угрозой национализации, и в мае ЛУКОЙЛ сообщил о его продаже G.O.I. Energy. Соглашение с покупателем было достигнуто ещё в январе, но в США возникли сомнения по поводу возможных связей предполагаемого покупателя с Россией. Владелец компании G.O.I. Energy является кипрский инвестиционный фонд Argus New Energy Fund. Среди конкурентов в покупке ISAB была американская Crossbridge Energy Partner.

Кризис глобализации и стратегия интернационализации

Период 1999–2004 годов ознаменовался, по выражению Густафсона, “русским нефтяным чудом”: «[Средняя] экспортная цена российской нефти марки Urals с самой нижней точки 1998 г. до 2005 г. выросла в 4 раза – с около 12 долл. в 1998 г. до почти 51 в 2005-м». При этом затраты российских нефтяных компаний в рублях снизились на три четверти из-за вызванной кризисом девальвации рубля, продолжавшей приносить дивиденды ещё несколько лет.

Благодаря этому российские нефтяные компании осуществили массивные инвестиции и обновили основной капитал, что позволило бурно нарастить нефтедобычу и сделать отрасль конкурентоспособной на мировом рынке.

ЛУКОЙЛу же наследие этих “тучных лет” позволило сформулировать свою первую комплексную стратегию развития, которая была принята в 2006 году и ставила целью сделать компанию одной из ведущих ТНК в мире. Но это была крайне сложная задача, так как ЛУКОЙЛ страдал от традиционного для чемпионов российского империализма порока – финансовой слабости: он в разы отставал от мировых лидеров по капитализации и продажам, хотя объёмы добытой им нефти были сопоставимы с их показателями.

Секрет успеха ведущих мировых нефтяных ТНК состоит в том, что они не только добывают нефть, перерабатывают её в конечный продукт и продают на рынке. Поскольку на их НПЗ поступает нефть от производителей, не являющихся вертикально интегрированными корпорациями, они перерабатывают существенно больше нефти, чем добывают. Несмотря на то, что переработка и сбыт приносят им гораздо меньше прибыли, чем добыча, огромные обороты поддерживают их высокую капитализацию. Но ЛУКОЙЛу не удалось реализовать эту модель, а стратегия была провалена, что стало ясно уже через три года. Изначальная относительная финансовая слабость усугубилась начавшимся в конце 2007 года мировым кризисом. Когда цены полетели вниз, нефтяные компании попали в “ножницы Кудрина”, то есть эффекта от временного лага, с которым начисляется экспортная пошлина на нефть. Вследствие лага в начислении налогов, рассчитываемых исходя из средней цены на нефть за предшествующие периоды, компании недоплачивают налоги, когда цены на нефть растут, и переплачивают их в случае снижения цен. Густафсон резюмирует: *«осенью 2008 г., когда цены падали день ото дня, прибыль нефтяных компаний [стала] от-*

рицательной, нефтяники не смели задерживать выплату налогов – “дело ЮКОСа” ещё было свежо в памяти – и вместо этого стали массово урезать расходы. Были приостановлены контракты на бурение, не оплачивались счета за электроэнергию, закрывались скважины. При таких условиях добыча нефти через считанные недели пошла на спад».

Уже через пару лет после кризиса экономика России на десятилетие свалится в стагнацию, а ЛУКОЙЛ расстанется с планами войти в топ мировых игроков и станет позиционировать себя как российскую компанию с определённой долей международной деятельности.

Особые интересы

Интересы отдельных фракций правящего класса, даже наиболее связанных с государством, никогда не могут полностью совпадать с той равнодействующей, которую воплощает в своей политике комитет по делам буржуазии. Всегда остаются особые интересы. И ЛУКОЙЛ – наиболее интернационализированная частная группа России – не исключение.

1 августа 2014 года – вскоре после начала войны в Донбассе – “Коммерсантъ” сообщал, что *«компания договорилась о продаже 100% “ЛУКОЙЛ-Украина”»*, а в марте 2022-го – после начала украинской войны – группа высказалась за *«скорейшее прекращение вооружённого конфликта»* и *«его разрешение путём переговорного процесса»*, очевидно, пытаясь избежать санкций. Однако война и уход с поста президента не помешали Алекперову возглавить топ-50 россиян с наибольшими доходами от дивидендов за 2022 год по версии Forbes.

Год спустя “Независимая газета” (НГ) от 3 февраля, ссылаясь на *Die Welt*, сообщила, что прямо в разгар войны НПЗ ЛУКОЙЛа в Бургасе снабжает топливом армию Украины. Дело дошло до того, что спикер Госдумы Вячеслав Володин поручил профильным комитетам изучить информацию. ЛУКОЙЛ заявил, что не несёт ответственности за то, куда поступают нефтепродукты с его болгарского НПЗ. По этому поводу опрошенный НГ ведущий эксперт Союза нефтегазопромышленников России Рустам Танкаев заявил: *«Сделаем вид, что поверили»*. А так как НПЗ ЛУКОЙЛа занимает на рынке Болгарии долю 95 % по дизтопливу, то *«сложно представить, будто бы менеджмент не был в курсе»*, куда отправляются нефтепродукты.

Этот инцидент дал НГ повод обратиться к другим кейсам, в которых проявлялись особые интересы ЛУКОЙЛа: в 2012 году сам Алекперов сообщал, что 50 % акций группы принадлежат иностранным инвесторам. До 2011 года крупнейшим была американская Сопсо Philips. С июня 2022 года с сайта компании пропали данные о составе совета директоров. По данным *Financial Times*, на 7 декабря 2022 года в него всё ещё входили Роджер Маннингс и Вольфганг Шюссель, хотя российские СМИ писали, что они покинули компанию ещё в марте. Кроме того, есть те, кто интересуется, осталась ли в совете находившаяся там с 2016 года экс-помощник госсекретаря США по разведке Тоби Гати, ученица Збигнева Бжезинского, в прошлом связанная с мозговым центром CSIS. Как

бы то ни было, эти публикации никак не сказываются на положении ЛУКОЙЛ, который главные вызовы для себя видит не в уколах оппонентов на внутреннем рынке, а в динамике мировой экономики.

Перспективы в Индо-Пацифике

В декабре 2021 года компания представила доклад “Перспективы развития мировой энергетики до 2050 года”, содержащий 3 сценария. Не будем останавливаться на каждом из них в отдельности. Отметим лишь наиболее значимые моменты. Главный вызов для ЛУКОЙЛа в том, что *«ископаемых топлив в первичном потреблении энергии будет снижаться»*. Хотя темпы роста спроса на жидкие углеводороды и замедлятся, но их потребление *«будет оставаться стабильным минимум до 2030 года»*, при этом в ближайшие несколько лет *«ожидается восстановление спроса на жидкие углеводороды после шока 2020 года»*, а снижение потребления в Европе и США *«будет компенсироваться ростом в других регионах»*: *«Основной прирост потребления жидких углеводородов в ближайшее десятилетие будет приходиться на страны Азиатско-Тихоокеанского региона»*. Ключевыми точками роста спроса на нефть в долгосрочной перспективе названы Индия и Африка. Кроме того, ЛУКОЙЛ считает, что *«определяющим фактором для санкционирования новых проектов»* в условиях замедления темпов роста спроса на жидкие углеводороды будет себестоимость добычи, поэтому серьёзная часть *«запасов с высокой себестоимостью добычи, включая арктический шельф, битуминозные пески и тяжёлые нефти, может остаться неосвоенной»*, и если нефтяные компании не найдут средства для нужного объёма инвестиций, то *«предложение жидких углеводородов будет ежегодно сокращаться [на] 4–5 %»*. Мы видим, что ещё до того, как российский империализм развязал войну на Украине, его крупнейшая частная группа уже смотрела в сторону Индо-Пацифики и Африки.

Июнь 2023 г.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении
партии-стратегии. 1953-1965324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Турецкий марш и внешнее принуждение для Эрдогана

Как и предсказывали многие международные СМИ, 28 мая Реджеп Тайип Эрдоган добился права на третий президентский срок, получив 52,1 %, или 28 млн голосов; лидер Народно-республиканской партии (НРП) и кандидат от оппозиции Кемаль Кылычдароглу финишировал с 47,9 %, или 25,5 млн голосов. По сравнению с первым туром Эрдоган собрал примерно на 700 тыс. голосов больше, а Кылычдароглу – на 900 тыс.

В президентской гонке, которую рисовали как референдум, противостояние между светской, либеральной и проевропейской “белой Турцией” и “султаном” из Анкары, разношёрстная коалиция во главе с Кылычдароглу, сформированная вокруг кемалистской партии – основательницы Турецкой республики НРП и включающая националистов из “Хорошей партии”, а также левые и курдские группы, не оправдала ожиданий. Директор Французского института анатолийских исследований в Стамбуле и исследователь Sciences Po Байрам Балджи в интервью *Le Monde* говорит, что при «85 %-ной явке во втором туре» «турецкая демократия высказалась» «в поддержку авторитарного статус-кво» и не поставила «на негарантированное обещание спасительной демократической альтернативы». Это было «сокрушительное поражение, если учесть, что она «опозорилась» из-за «расистских и ксенофобских акцентов, использованных против сирийских беженцев» – эта тема обсуждалась две последние недели электоральной кампании.

Расистский забег Кылычдароглу

Чтобы завоевать часть правонационалистического электората, Кылычдароглу в обмен на голоса обещал «прогнать сирийцев». Перед этим он сыграл не только карту дороговизны жизни, но и карту инклюзивности, когда объявил, что принадлежит к алевитам – синкретическому религиозному меньшинству, происходящему из шиизма и исторически подвергнутому остракизму как в эпоху османов, так и во времена республиканской Турции. Представители алевитов входили в турецкую левую, сталкивались с правыми националистами из числа “Серых волков”, главным политическим выражением которых была Партия националистического движения (ПНД), союзная Партии справедливости и развития (ПСР) Эрдогана. Но алевиты есть и в правых течениях.

Кылычдароглу принадлежит к социал-демократическому течению НРП (созданной Кемалем Ататюрком и в своё время бывшей единственной партией в стране), развившемуся в 60-е годы под началом Бюлента Эджевита (1925–2006). Эджевит пять раз занимал кресло премьера, а в 1974 году в союзе с исламистской Партией национального спасения (ПНС, одной из предшественниц ПСР) Неджметтина Эрбакана начал вторжение на Кипр. Как напоминает специалистка по Турции из Французского института международных отношений Дороте Шмид, позиции НРП, которая воплощает наследие кемализма, «сегодня размыты: считается, что [партия] социал-демократическая, но её можно запросто записать в правые союзы» (*“La Turquie en 100 questions”*, 2023).

Обращение к ксенофобскому электорату в конечном итоге оказалось «хо-

дом отчаяния», считает *Financial Times*, и дважды проигрышным: кандидат от крайне правой Синан Оган из отколовшегося крыла ПНС выразил поддержку Эрдогану через неделю после первого тура, а Кылычдароглу потерял доверие западных столиц, сообщив о риске разрыва его правительством соглашения о мигрантах, достигнутых с ЕС в 2016 году. Карта беженцев много раз была разыграна Султаном в его отношениях с Брюсселем, однако, как гласит английская поговорка, «знакомый чёрт лучше незнакомого», особенно в том, что касается его способности дозировать дурно пахнущую политическую риторику и прагматическое действие.

“Касымпашский” голлизм

Как сообщает историк Сонер Кагаптай (директор турецких исследований в Вашингтонском институте политики в отношении Среднего Востока и советник Государственного департамента), Эрдоган «принадлежит к поколению сельских иммигрантов из Северной Анатолии». Он вырос среди «переулков и причалов» Касымпаша, одного из «центров Стамбула»: там он получил «касымпашский характер», то есть характер «грубых людей, рабочих и ремесленников, с сильными консервативными традициями, которые не пасуют перед соперниками и без проблем подчиняют и унижают их». Его видение политического ислама, продолжает историк, происходит из “Милли Гёрюс” (“Национального видения”), созданного Эрбаканом движения, которое содержит в себе смесь традиций «суфийских братств», очень могущественных и влиятельных в Турции с османской эпохи и характеризующихся иерархическими отношениями, и «нативистского и популистского видения».

Хотя Эрдоган и выступает как «антикемалист», представляя кемализм как выражение республиканского истеблишмента, он фактически исповедует «исламский кемализм», следуя образу «Ататюрка как освободителя Турции» во время войны за независимость 1919–1923 годов, когда осуществлялось «обращение к государству, чтобы сплотить страну» после крушения Империи. «Неоосманизм» Эрдогана, считает Кагаптай, – «это то же, что и концепция французского величия». По большому счёту, политика можно представить как «исламского голлиста», который стремится утвердить Турцию в роли «мировой державы» (*“Erdogan’s Empire”*, 2019).

Что касается анатолийского варианта голлизма для Турции, которая поднимается до роли средней мировой и великой региональной державы, мы обращались к оценке Жана Лакутюра. С точки зрения этого биографа Шарля де Голля, «республиканская монархия» Пятой республики являлась функциональной политической оболочкой для французского цикла послевоенной модернизации, так называемого «славного тридцатилетия» (Братоубийственное сведение счётов между Эрдоганом и Гюленом // Пролетарский интернационализм. 2016. Сентябрь. № 25).

Двадцатилетие Эрдогана и “серая Турция”

Фактически 20 лет власти ПСР (согласно французским источникам, на-

считывающей на данный момент 11 млн членов против 1,5 млн у НРП) были функциональны не только для ускоренной модернизации, но и для абсорбирования внутренних миграционных потоков в условиях быстрого роста населения. 85-миллионное население Турции растёт на 1,4 % в год, при этом на юго-востоке рост составляет 2 %. За 15 лет население Стамбула выросло на 3 млн жителей и в итоге перешагнуло через отметку в 15 млн, то есть 17,8 % от всего населения.

Правление ПСР исправило политическое нарушение равновесия, которое спровоцировало сильнейшую нестабильность вплоть до трёх военных переворотов с 1960 по 1980 год, нестабильные коалиции и глубокий финансовый кризис в конце 90-х. Самого Эрдогана в 1997 году военные отстранили от власти, а в 2007 году ему угрожали армейские течения. Как напоминает Кагаптай, «европейское принуждение» было инструментом для укрощения вооружённых сил и утверждения доминирования ПСР, но также для совершения экономической модернизации с привлечением капиталов и становлением анатолийского бизнеса, одной из составляющих политико-электорального успеха партии.

Цитируя турецких социологов, Шмид подчёркивает, что в течение этого же двадцатилетия благодаря урбанизации рядом с историческим противопоставлением «белой Турции» (городской, вестернизированной и светской буржуазии – столпа кемализма) и «чёрной Турции» сельской и консервативной анатолийской глубинки возникла «серая Турция», или «гибридная Турция» – «отпрыски новых средних и высших слоёв, переехавших из деревни в город». Это «поколение набожное, но городское, очень образованное, часто [обучавшееся] в западных университетах», поощряющее развитие «демократии и политического плюрализма» (Schmid D. *Op. cit.*).

“Третий тур” выборов и дозировки султана

Во время и после выборов и *Le Monde*, и *Financial Times* рассчитывали на «третий тур», то есть на голосование рынков, которое действовало бы в противовес переизбранному Эрдогану на третий срок и навязало бы ему пересмотр экономической политики – в особенности подчинения центрального банка правительству, которое благоприятствует смягчению монетарной политики. Во время октябрьской инаугурационной речи, празднуя «век Турции» в преддверии столетия со дня основания Республики, Эрдоган принял представителей 81 страны под звуки “Турецкого марша” Моцарта и прошёлся по истории страны, рассказав о шестнадцати её воплощениях – туранских империях и государствах Османской империей.

Рассказал он, кстати, и о составе нового правительства, которое *Le Monde* прозвала «двуглавым» – либеральным в экономике и национал-консервативным во внешней и внутренней политике. С точки зрения источника в правительстве Турции, с назначением на пост министра финансов Мехмета

Шимшека, бывшего банкира Merrill Lynch в Лондоне и министра финансов в 2009–2015 годы, Эрдоган делает «предложение доверия мировому финансовому рынку». Шимшек «встретился с Эрдоганом и до, и после выборов, а также пользуется поддержкой оппозиции».

Шимшек – архитектор независимости ЦБ, он добился назначения главой банка Хафизе Эркан, которая стала первой женщиной на этом посту. 44-летняя Эркан, родившаяся в Стамбуле, работала в Goldman Sachs и затем в крупном региональном калифорнийском банке First Republic, недавно поглощённом JPMorgan. На Уолл-Стрит, говорящую по-английски и по-немецки турчанку-американку Эркан знают как «незаурядную турецкую девушку» из-за её способностей к финансовому анализу. Назначения Шимшека и Эркан, похоже, получили определённое одобрение рынков. Это демонстрация прагматизма Эрдогана, который, судя по всему, хочет вернуть поддержку центристских течений ПСР, частично перешедших на сторону оппозиции.

Министерство иностранных дел отныне доверено Хакану Фидану, с 2010 года возглавлявшему Национальную разведывательную организацию. Эрдоган охарактеризовал его как «хранителя моих секретов и секретов государства». Фидан известен как один из исполнителей турецкой внешней политики: он участвовал в сирийской и ливийской войнах, а также в переговорах с Рабочей партией Курдистана (РПК), призванных политически разрешить внутренний конфликт между Анкарой и курдскими ополченцами.

“Дети диаспоры”

Стоит упомянуть и назначение на пост министра по делам семьи Махинура Оздемира Гёкташа. Рождённая в Брюсселе в турецком квартале Схарбек, дочь эмигрантов из города Конья, с 2009 по 2015 год она была депутатом в Бельгии. В 2019 году Эрдоган назначил её первой женщиной-послом Турции в Алжире. Это представительница продвигаемого ПСР «феминизма под вуалью», который, как считает *Le Figaro*, даёт надежду «феминистским милитанткам» в Турции, опасющимся разворота в отсталость. Во многих аспектах султан, кланяясь внешнему принуждению, разыгрывает карту инклюзивности и социального продвижения, используя дочерей турецкой диаспоры, будь то “чёрной” или “белой”.

Согласно официальной статистике, диаспора насчитывает 6,5 млн человек, из которых 5 млн живут в Европе. Расширенная статистика, которая объединяет разные поколения, оценивает, что от 3 до 7 млн человек родом из Турции проживают в Германии и свыше 1 млн во Франции; от 500 тыс. до 2 млн в Нидерландах, 500 тыс. в Великобритании, от 300 до 500 тыс. в Австрии и, наконец, от 250 до 500 тыс. в Бельгии. В эти данные включено также значительное число курдов (Schmid D. *Op. cit.*). Это большие ресурсы, которые Анкара не боится мобилизовать и которые представляют собой пуповину, связывающую Турцию и ЕС.

Европейская оборонная промышленность

Ракеты-носители и спутники для новой космической гонки

В космической гонке держав лидируют США и Китай, Европа теряет преимущество и отстаёт. В прошлом году на околоземную орбиту было выведено около 2,5 тыс. спутников, что вдвое больше, чем двумя годами ранее, и в 10 раз больше, чем в среднем за предыдущее десятилетие – об этом пишут Ксавье Паско и Поль Воре в недавнем отчёте Fondation pour la Recherche Stratégique.

Фактически изменились динамика, функционирование и даже орбиты запускаемых в космос объектов. Раньше больше, чем двумя годами ранее, и в 10 раз больше, чем в среднем за предыдущее десятилетие – об этом пишут Ксавье Паско и Поль Воре в недавнем отчёте Fondation pour la Recherche Stratégique.

Первая коммерческая война в космосе

Всего насчитывается 7,1 тыс. активных спутников, 60 % из них являются частью коммерческих созвездий “Starlink” и “OneWeb” только двух компаний – SpaceX и Eutelsat соответственно – и предназначены для создания глобального подключения к Интернету. Термин “коммерческое” следует использовать с осторожностью, потому что очень трудно провести различие между военным и гражданским использованием почти любого космического объекта. На самом деле неслучайно британское правительство решило купить пакет акций “OneWeb” после Брексита.

Экс-командующий американскими космическими операциями генерал Джон Рэймонд вспоминает, что российско-украинскую войну назвали «первой коммерческой войной в космосе». Это связано с той ролью, которую в этом конфликте играют частные спутники компаний Maxar, Planet Labs и BlackSky, которые обычно предоставляют услуги в области сельского хозяйства, логистики, добычи полезных ископаемых и ухода за землёй, но у этих групп также есть контракты с Пентагоном, который использовал их в качестве шпионов.

КОСМИЧЕСКИЕ ЗАПУСКИ ПО СТРАНАМ

	2020	2021	2022
США	45	52	87
-“Falcon 9” (SpaceX)	24	31	61
-“Electron” (Rocket Lab) ⁽¹⁾	7	6	9
Китай	39	56	61
Россия	13	16	22
Европа ⁽²⁾	10	14	5
Индия	2	2	4
Япония	4	3	1
Израиль	1	0	0
Иран	1	1	1
Южная Корея	0	1	1
Всего	115	145	182

Примечания: 1) Rocket Lab – американская компания, но свои запуски она осуществляет из Новой Зеландии; 2) данные за 2020 и 2021 годы включают соответственно 5 и 9 пусков “Союзов”.

Источники: CSIS, Gunter’s Space.

В первые дни вторжения на Украину российская кибератака на наземные станции системы “Viasat” вызвала большие затруднения у политиков и военных в Киеве, которые осуществляли свою связь через этот аппарат. Но вступление в игру созвездия Илона Маска изменило расклад. “Starlink” оказалась очень устойчивой к помехам, которые пытались вызвать россияне.

Созвездия малых и средних спутников могут заменить «большие, толстые и сочные цели» (по определению другого американского генерала) на «хрупкие и незащищённые» геостационарные спутники, однако последние не могут заменить первые в выполнении стратегических задач. Во всяком случае крупные спутники продолжают производиться и поддерживаться крупной аэрокосмической промышленностью.

ВВС США подписали соглашение с компаниями Northrop Grumman и Lockheed Martin на производство 5 крупных спутников раннего предупреждения нового поколения на сумму 7,2 млрд долл. «Большие, малые и средние спутники – я думаю, что у каждого из них есть своя роль, это не вопрос выбора между одним и другим», – повторяет вице-президент Boeing Space.

Воздушно-космические силы и ракеты-носители

Во времена холодной войны, пишут Паско и Воре, космические средства были частью отношений ядерного сдерживания между блоками и выполняли функции контроля и сигнализации. Эти средства, таким образом, были в некоторой степени «сакрализованы», потому что атаковать их означало нарушить баланс. Сегодня спутники непосредственно участвуют во всех современных военных операциях. По этой причине все крупные державы за последние пять лет создали силы или командования, ответственные за космические миссии.

Среди задач, которые должны выполнять эти силы, – наблюдение и оборона. Например, в планах французов разместить рядом с крупными геостационарными спутниками несколько “часовых”, называемых “Yoda”. Европейский союз только что принял план IRIS² – комплекс, который будет обеспечивать из космоса «устойчивость, взаимосвязь и безопасность» Интернета. Остаётся проблема автономности запуска для вывода этих мощностей на орбиту.

Еженедельник Aviation Week & ST недавно напомнил, что в 1974 году НАСА вывело на орбиту франко-германский геостационарный телекоммуникационный спутник “Symphonie A”, но попросило взамен использовать его только для государственной связи, а не для конкуренции с американскими коммерческими спутниками. Это был эпизод, ускоривший продвижение европейцев к созданию ракеты “Ariane”.

Первый успех европейской ракеты-носителя относится к 1979 году. Первые три версии “Ariane” просуществовали десятилетие 1980-х годов; в следующем настало время “Ariane 4”. В 1997 году произошёл дебют “Ariane 5”, совершившей 116 миссий за 25 лет. На протяжении более 40 лет Европа имела полную автономию в сфере запуска, а в последнее десятилетие в дополнение к запускам ракет “Ariane” она коммерциализировала миссии российской ра-

кеты-носителя “Союз” и итальянской “Vega” (для средних и лёгких грузов), завоевав на определённый период коммерческое лидерство в мире.

“Ariane 6” и “Galileo”

Сегодня компания Arianespace переживает момент великого тупика. Ракета-носитель “Союз” больше недоступна из-за конфликта на Украине. Новая “Vega-C” провалила свой первый коммерческий запуск из-за дефекта двигателя второй ступени Z40. Для возобновления пусков потребуется время, в том числе потому, что Avio заказывала деталь, которая оказалась бракованной, на украинском “Южмаше” (г. Днепр).

В 2014 году ЕКА запустило проект новой “Ariane 6”, стоимость полёта которой должна была быть на 40 % ниже, чем у её предшественницы. По плану она должна была взлететь в 2020 году, но теперь её дебют состоится не ранее 2024 года. Сайт Politico Europe писал, что Еврокомиссия изучает возможность вывода на орбиту двух спутников группировки “Galileo” ракетой “Falcon 9” компании SpaceX.

Это было бы большим парадоксом. Навигационная система “Galileo” родилась в 2002 году именно как проект, призванный продемонстрировать стратегическую автономию Европы от американской GPS, изо всех сил пыталась зарекомендовать себя с хорошей стороны, завершилась с опозданием, но в итоге предоставила независимый зашифрованный сигнал европейским вооружённым силам. Как сказал президент Франции Жак Ширак, если бы не “Galileo”, то старушка Европа оказалась бы в «вассальной зависимости» от США – термин, который то и дело всплывает в дискуссиях.

SpaceX и “Starship”

В прошлом году SpaceX произвела более двух третей всех космических запусков США. Её “Falcon 9” в среднем совершала более одного вылета в неделю, и эта частота была навязана конкуренцией со стороны китайских ракет “Long March”. Компания Илона Маска выполнила 160 миссий с восстановлением первой ступени, которая впоследствии адаптируется и повторно используется ещё 12–15 раз. Более половины запусков “Falcon 9” связаны с выводом на орбиту спутников “Starlink”; остальные миссии – коммерческие по заказу НАСА и Пентагона.

SpaceX доставляет материалы и астронавтов на МКС. Её космический корабль “Crew Dragon” уже выполнил 6 пилотируемых миссий, в то время как конкурент “Starliner” компании Boeing выполнил только автоматическую стыковку без людей на борту. НАСА подписало контракт со SpaceX на 14 полётов “Crew Dragon” на сумму 4,9 млрд долл.

Американское космическое агентство, предварительно инвестировав 2,9 млрд долл., также поставило перед SpaceX задачу по высадке астронавтов миссии “Artemis” на Луну, которая состоится в конце десятилетия. Со своей стороны, Исследовательская лаборатория ВВС США делает ставку на то, что компании Маска удастся создать гигантскую грузовую ракету, способную перевозить материалы и людей из одного конца света в другой за несколько часов. В обоих случаях роль “Starship” ставится под сомнение. Последний представляет собой настоящий космический корабль, придуманный для полётов на Луну, а затем и на Марс – это

50-метровый комплекс, способный дозаправляться в космосе, совершать мягкие посадки и перевозить грузы и астронавтов массой 100–150 тонн.

В апреле “Starship” совершил первый испытательный запуск с использованием первой ступени под названием “Super Heavy”, оснащённой 33 двигателями “Raptor”. Это ракета высотой 120 метров с мощностью выше, чем у любой предыдущей, в перспективе полностью восстанавливаемая, даже если это не было предусмотрено в дебютной миссии.

“Starship” взлетел без проблем, а вот первая ступень при отрыве вышла из строя, поэтому он взорвался. Самое важное для SpaceX испытание – запуск гигантской ракеты – прошло успешно, но критики скептически. Пока рано делать выводы, но следует помнить, что и в Европе среди менеджеров “Ariane” было много скептиков, которые не верили в то, что технологически и экономически возможно восстанавливать первые ступени, но сегодня для “Falcon 9” это обычная практика.

“Тяньгун”

В конце 2022 года Китай завершил строительство своей космической станции “Тяньгун”. Объём её жилых помещений составляет 110 кубометров против 400 у МКС; последняя должна завершить свою деятельность в конце десятилетия, а китайская станция может быть увеличена в два раза при помощи новых модулей, которые, по некоторым данным, уже готовы.

Когда Евросоюз решил создать собственную навигационную систему “Galileo”, он был готов на сотрудничество с китайскими учёными. В конечном итоге Пекин решил продолжить разработку своей независимой системы “Бэйдоу”. “Тяньгун” является в том числе и инструментом дипломатии: китайское космическое агентство пригласило европейских астронавтов посетить её, и уже начались совместные тренировки. В январе прошлого года директор ЕКА заявил, что для продолжения сотрудничества на данный момент нет ни средств, ни желания. И политические условия для такой кооперации возникнут нескоро.

Lotta comunista, май 2023 г.

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник, библиография, хронология, указатель периодических изданий и СМИ, карты.
ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

Издательская новинка

Война на Украине и европейское перевооружение

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Федерико Дальвита и Яна ван Лангенховена "L'Europa nella crisi del ordine".

С 2016 года, когда прошёл референдум, Великобритания переживает политический кризис: на Даунинг-стрит сменилось уже пять министров. Они пали жертвой конвульсий Консервативной партии, которая отказалась от своего традиционного прагматизма, поддавшись демагогическим лихорадкам нового политического цикла в его английских формах. [...]

Пандемия и Брексит дали повод задуматься о *политических формах* империалистического противостояния. Динамика плюрализма надстроек ЕС и диалектических отношений между британскими органами – а также между британскими и континентальными властями – предоставила материал для анализа политической оболочки империалистической демократии и её эффективности перед лицом кризисов и обострения противостояния.

Одна из глав книги, посвящённая голландскому политическому циклу, показательна с точки зрения связи либеральных и атлантических течений европейского севера с рейнским барицентром. Столкнувшись с изменениями, ганзейский прагматизм Нидерландов, который традиционно смотрит в сторону ветров Атлантики, но ногами стоит на континенте, показал себя более реалистичным и гибким в сравнении с британским. Брексит имел серьёзные последствия для определения места Нидерландов в Европе. Лишившись поддержки Британии в сфере налоговой и внешней политики, Гаага после недолгих национальных дебатов о возможности занять освободившуюся роль Лондона, впрочем, быстро оставленных по той причине, что они не находили фундамента в соотношении сил, переориентировалась на конвергенцию с франко-немецкой осью: голландское посредничество было важным, чтобы добиться компромисса с так называемыми "бережливыми" странами по поводу "Next Generation EU". Несмотря на то, что война на Украине качнула европейские весы в сторону эксцентричной польско-прибалтийской тяги, Нидерланды, похоже, подтвердили своё прагматическое тяготение к Рейну, где структурная атлантическая связь серьёзно встряхнула франко-немецкую ось. Евро-атлантический барицентр, который, как рассчитывали Париж и Берлин, сможет перезапустить евроинтеграцию, фактически расстроена войной, навязывающей поворотный момент.

После стратегической неожиданности российского вторжения Берлин вернул себе инициативу, в рамках атлантической связи настаивая на защите реформированной глобализации и общеевропейской системы альянсов. В ходе этого сражения произошло сближение между Германией и Китаем во круг поддержки либеристского знака цикла, открыто продемонстрированное визитом Шольца в Пекин 4 ноября 2022 года и подтверждённое на саммите G20 на Бали 15–16 ноября, где Германия способствовала разрядке между США и Китаем. Что касается Украины, то в ответ на интервенционистское давление

Штатов, Восточной Европы и "зелёного" компонента правительственной коалиции канцлер проявил осторожность и выдвинул свои условия, что указывает на объективную проблему будущих отношений с Россией – ядерной державой на восточном фланге Европы.

В своём эссе "The Global Zeitenwende – How to Avoid a New Cold War in a Multipolar Era" на страницах *Foreign Affairs* Шольц изложил свою стратегическую линию сопротивления формированию блоков и подчеркнул, что восхождение Китая не должно быть поводом для его изоляции. Он также потребовал большей трансатлантической взаимности и заострил внимание на второй волне глобализации, которую питает развитие обширного бассейна Индо-Пацифики и в целом "остального" мира за пределами США, ЕС и Китая.

Линия Шольца направлена на то, чтобы европейские связи и интересы больше уважались в рамках трансатлантического альянса, и стремится сдерживать и обуславливать Соединённые Штаты, которые также сталкиваются с двойственностью переговоров и противостояния в отношениях с Китаем и Россией. В ходе интенсивной дискуссии об отправке немецких танков "Leopard" на Украину, которая могла бы послужить эскалации конфликта, представляющей собой балансирование над пропастью ядерной войны, Шольц дал отпор американскому и восточноевропейскому давлению, придерживаясь условия, чтобы и Вашингтон послал свои танки "Abrams". В итоге условие было принято. Таким образом, Берлин обеспечил вовлечение США на поле сражения наравне с европейцами – вопреки воле американских течений, желавших вытолкнуть одинокую Европу на первый план, – фактически добившись совместного принятия решений о войне и введя американские ядерные силы в расчёты русского ответа.

Немецкая пресса указала на исторические параллели с линией Гельмута Шмидта во время кризиса евроаркет. В Бундестаге Шольц возразил тем, кто обвинял его в нерешительности: «Нам удалось сделать так, чтобы нас не втянули, мы смогли действовать в тесном сотрудничестве с союзниками; правильно и желательно, что наше правительство пришло к этому решению шаг за шагом, поскольку это единственный принцип, который гарантирует безопасность для Европы и для Германии в столь опасной ситуации». Канцлер также подчеркнул принцип уклонения от эскалации конфликта «до [уровня] войны между Россией и НАТО». Это конкретный пример того, как трансатлантическая связь и определённая степень европейской автономии при необходимости действуют совместно.

Война несёт с собой не только запаздывания и дефициты, но и возможное усиление мощи европейской империализма, то есть более крупную стратегическую автономию и более консолидированные политические власти, в том числе в отношении военной проекции. Действительно, одно из последствий полномасштабного российского вторжения – перевооружение Германии, которая наряду с Японией заявляет о намерении покончить с военной недееспособностью двух главных проигравших во второй мировой войне

держав. В речи в Бундестаге 27 февраля 2022 года Шольц назвал войну на Украине «сменой эпохи» в «истории нашего континента». Он объявил о создании специального фонда в 100 млрд евро для Бундесвера и об увеличении германского военного бюджета выше 2 % ВВП. В тот же день ЕС объявил о поставках оружия Украине на 450 млн евро через фонд, названный "European Peace Facility"¹. В январе 2023 года Эммануэль Макрон одобрил оборонный бюджет величиной более 400 млрд евро на 7 лет. Остаётся загадкой, приведёт ли перевооружение столиц к развитию общеевропейских вооружённых сил с более высокой степенью централизации внешней политики и военной проекции. Между тем в совместном интервью *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 21 января 2023 года по случаю шестидесятилетия Елисейского договора Шольц и Макрон отметили, что перевооружение континента означает в первую очередь строительство «более суверенной» Европы, способной «формировать международный порядок».

С точки зрения Берлина, переход Рубикона перевооружения означает подтверждение связи с Вашингтоном и одновременно её трансформацию. Можно дискутировать, достаточно ли для Европы это постепенное преобразование или требуется качественный скачок. Но так или иначе, в данный момент это форма, навязанная процессом, в котором нельзя обойти стороной структурную связь со Штатами.

Внутри Атлантического альянса европейской и германское сражение в поддержку либеристского знака цикла – в конвергенции с Японией, Китаем и "развивающимися" странами – только началось и собирает достаточные силы, так что нельзя отрицать возможность новой фазы глобализации. Эта коалиция сил действует потому, что кризис порядка может подарить дополнительное время и пространство, чтобы отсрочить момент слома.

Линию Шольца "Европа – держава равновесия" нужно рассматривать в рамках этого решительного различения кризиса и слома порядка. Война на Украине катализировала немецкое перевооружение, и в этом заключается конкретный скачок Германии. Её традиция политического использования экономической силы сама по себе более недостаточна для стратегического применения мощи: на возросшем уровне противостояния необходимо обеспечить себя и военным рычагом. Тем не менее *Zeitenwende* Шольца в своей концептуальной установке сохраняет преемственность с доктриной Меркель, выступавшей за «многогранную Европу как полюс силы в многополярном мире». Унитарный момент империалистического противостояния опирается на реальные силы, хотя раскол продолжает нарастать. Двойственность немецкой линии отражает врождённую природу империализма, особенно его нынешнего цикла.

В одной из статей настоящего сборника мы обращаемся к "Речи о свободе торговли" Маркса. В ней он пишет, что при капитализме единство и раскол диалектически взаимопроникают. Внешние коллизии китайского восхождения и войны смещают акценты в сторону Европы как полюса силы, пусть и в рамках многосторонности. Два мо-

мента сосуществуют, поскольку раздел происходит по капиталу и «свобода торговли», как отмечает Маркс, есть не что иное, как «свобода капитала»: «Присвоить имя всеобщего братства эксплуатации в её космополитическом виде – такая идея могла зародиться только у буржуазии»². Многосторонность, которую защищают Евросоюз и Германия, – лишь одна из форм империалистического раздела. Маркс показывает диалектическую связь между свободной торговлей и протекционизмом: внутреннее развитие крупной промышленности имеет в качестве цели выход на мировой рынок.

Ленин обновляет теоретическую систему марксизма до эры империализма, нападая на тезисы Карла Каутского, по мнению которого, «под империализмом надо понимать не "фазу" или ступень хозяйства, а политику, именно определённую политику»³. Основываясь на этом, Каутский отделяет политику от экономического базиса и в итоге скрывает объективные противоречия империализма, рассчитывая на перспективу «сверхимпериализма, объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме»⁴. С точки зрения марксизма, империализм представляет собой высшую фазу капитализма, когда объективные противоречия не только остаются непримиримыми, но и обостряются, чередуются «мирные» и «немирные» формы борьбы, которые рождаются «из одной и той же почвы»⁵. Сегодня мы это отчётливо наблюдаем: Токио и Берлин защищают многосторонность, но в то же время перевооружаются, сигнализируя, что градус противостояния повысился.

Трагическое и жестокое развязывание империалистической войны в Европе предоставляет картину масштабной исторической задержки формирования революционной партии, но подтверждает, что единственный надёжный путь для европейского и мирового рабочего класса – это интернационализм. В статье "Империалистическая война в Европе и пролетарский интернационализм", опубликованной в марте 2022 года, мы писали: «В то время как во всех державах формируется интервенционизм в поддержку собственных империалистических держав и собственной буржуазии, который будет рычагом их перевооружения, мы остаёмся с украинскими пролетариями, с русскими пролетариями, с европейскими пролетариями, а также американскими и китайскими. Мы боремся в первую очередь против российского империализма, но также и против европейского, американского или китайского, против украинской буржуазии. Пролетарский интернационализм – единственный выбор против империалистического варварства». В условиях кризиса порядка это неизбежное сражение за наш класс и единственная перспектива для человечества.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

1 – "Европейский инструмент мира".
2 – Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 416.
3 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 387.
4 – Там же. С. 391.
5 – Там же. С. 418.

Борьба с коронавирусом

Китайская записная книжка

Пандемия Covid-19 больше не является «чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение» (ЧСЗМЗ), – заявила 4 мая Всемирная организация здравоохранения. На самом деле вирус SARS-CoV-2 не исчез, но наносит меньший ущерб и больше не привлекает внимания СМИ.

В Китае с середины апреля вновь начался рост заболеваемости. В мае он достиг масштабов «малой волны», сообщает Центр по контролю и профилактике заболеваний (CDC). Чжун Наньшань, директор Национального центра клинических исследований респираторных заболеваний, заявил на конференции по биотехнологиям в Гуанчжоу, что пик «второй волны», вероятно, придёт на конец июня и число новых случаев заболевания составит 65 млн в неделю (*Global Times*, 22 мая). По словам Раджа Раджнараяна из Нью-Йоркского технологического института, опубликованным в журнале *Fortune*, она будет «в значительной степени незаметна», что связано с крахом системы тестирования и отсутствием статистических отчётов (30 мая).

Новая волна ожидалась экспертами CDC «примерно в июне или июле» в связи с распространением новых вариантов вируса и постепенным ослаблением иммунной защиты населения (*Global Times*, 5 февраля). В настоящее время «Еженедельник CDC по Китаю» сообщает о высоком уровне повторных заражений, в основном за счёт субвариантов ХВВ, рекомбинантов семейства штамма омикрон. Органы здравоохранения не испытывают особого беспокойства: циркулирующий штамм обладает высокой степенью «иммунологического ускользания», но в основном вызывает лёгкие заболевания, за исключением наиболее уязвимых категорий населения. Иными словами, не ожидается, что он вызовет перегрузку системы здравоохранения Китая, как это было в декабре и январе. В связи с этим новых немедикаментозных мер не планируется.

Британский еженедельник *The Economist* описывает нынешний этап сосуществования с коронавирусом как «трудный поиск баланса между нулевым уровнем заболеваемости и нулевыми ограничениями». После того, как первая волна затронула, «предположительно, миллиард человек» и вызвала, «предположительно, миллион смертей», сегодня все ограничительные меры отменены, тесты проводятся редко, а вакцинация не вызывает сколько-нибудь заметного интереса. В Шанхае сотрудников просят выходить на работу, даже если у них обнаружен вирус, власти поощряют граждан скапливаться в торговых центрах и ресторанах, а больницы переполнены (3 июня).

Китайский опыт, практически исчезнувший из средств массовой информации, оставлен для изучения научным сообществом.

Сомнительный
выбор

В декабре прошлого года Китай отказался от политики «нулевой терпимости к Covid», с помощью которой он почти три года пытался искоренить вирус SARS-CoV-2. С прошлой весны коронавирус распространялся многочисленными крупными вспышками, и в итоге драконовские ограничения были признаны неприемлемыми и неэффективными. За возобновлени-

ем действия ограничений последовал зимний взрыв вспышек в континентальных масштабах.

Новый этап борьбы с пандемией начался в популяции с ещё слабой иммунной защитой. Длительная изоляция ограничила распространение вируса среди относительно небольшой части огромного населения Китая. Это позволило сдержать число заражений, но в то же время привело к низкому уровню естественного иммунитета, что усугублялось низким уровнем вакцинации. И дело не в проценте вакцинированных среди населения, поскольку к концу ноября статистика сообщала, что 89 % китайцев завершили первичный курс из двух доз вакцины национального производства, что соответствует стратегии принятой вакцинации.

Вакцинация должна была быть тесно связана с «немедикаментозными мерами», считает Янь Чжунхуан, старший научный сотрудник по вопросам глобального здравоохранения Совета по международным отношениям (CFR). В Китае, напротив, кампания вакцинации не сопровождала в должной мере политику интенсивных ограничений. После «вялого старта» власти, вместо того чтобы отдать предпочтение наиболее уязвимым группам населения, поставили на первое место здоровое население трудоспособного возраста (*The Lancet*, 14 мая 2022 г.). Критика этих решений не осталась незамеченной, но, по словам «чиновников провинциального уровня», «никто на самом верху больше не прислушивается к мнению экспертов». По мнению Си Чена, профессора Школы общественного здравоохранения Йельского университета, ускорение темпов вакцинации пожилого населения является обязательным «предварительным условием» для безопасной отмены ограничений.

По словам Цзэн Исина, заместителя директора Национальной комиссии по здравоохранению (ННС), в мае 2022 года доля среди людей старше 80 лет, получивших две дозы вакцины, составляла 50 %, бустерную дозу получили менее 20 %.

Первым делом – тесты

Даже когда началась вакцинация пожилого населения, страх перед побочными эффектами заставлял медицинских работников отказываться от прививания людей с уже имеющимися хроническими проблемами, такими как гипертония, диабет, сердечно-сосудистые заболевания. «Широкое и неоднозначное» определение противопоказаний породило недоверие к вакцинам среди населения. Неуверенность относительно вакцин, особенно среди пожилых людей, сохраняется даже после многочисленных заверений в их безопасности (*Nature medicine*, «Determinants of Covid-19 vaccination status and hesitance among older adults in China», 31 января). В клинических испытаниях вакцин пожилые люди были представлены недостаточно: отсюда и первоначальные опасения относительно побочных эффектов у этой группы населения. Общая дезинформация о безопасности вакцин в сочетании с ощущением несрочности, вызванным локдауном, подогревала нерешительность, полагает *The Lancet*. Действительно, значительная часть наиболее уязвимого населения – пожилые, хронически больные, нуждающиеся в уходе – надолго осталась без защиты. По данным ННС (*The Lancet*, 14 января), по состоянию на конец ноября, перед са-

мым снятием ограничений, более 30 % китайцев в возрасте 60 лет и старше не прошли первичный курс вакцинации. В Италии этот показатель составлял менее 5 % (*Our World in Data*).

В то время как массовые тестирования отнимали огромные ресурсы, в месяцы эпидемического обострения темпы вакцинации, наоборот, сократились со среднего показателя почти в шесть млн доз в день на второй неделе февраля 2022 года до примерно 130 тыс. в конце ноября. Накануне отказа от стратегии «динамической нулевой терпимости к Covid» правительство Китая изменило свою политику, призвав местные власти ускорить программу вакцинации, особенно среди пожилого населения. Лицам старше 60 лет было предложено завершить первичный цикл вакцинации, а также ввести бустерную дозу, сократив интервал между второй и третьей дозами с шести до трёх месяцев. Цель заключалась в том, чтобы к концу января 90 % населения старше 80 лет получили хотя бы одну дозу (*Caixin*, 29 ноября). Однако после стремительного роста до двух миллионов в день в конце декабря темпы вакцинации снизились до 33 тыс. в конце января.

Заброшенная
периферия

Председатель КНР Си Цзиньпин в январской виртуальной речи в Зале народных собраний заявил, что на новом этапе, когда миллионы людей отправятся на китайский Новый год, его «в первую очередь волнует судьба сельских жителей». Особые усилия должны были быть направлены на «улучшение медицинского обслуживания наиболее уязвимых слоёв населения в сельской местности» («Синьхуа», 19 января). Это самое значительное прямое признание усугубляющегося кризиса здравоохранения с момента отказа от политики «нулевой терпимости к Covid», – отметила *Financial Times* (20 января).

Цзэн Гуан, бывший главный эпидемиолог Центра по контролю и профилактике заболеваний, рекомендовал чиновникам сосредоточить усилия на сельской местности, открывая ковидные отделения и распределяя лекарства, а также призвал городских врачей работать в сельской местности волонтерами во время праздников. «До сих пор мы уделяли первостепенное внимание крупным городам. Пришло время обратить внимание на сельскую местность», – сказал он на пресс-конференции. «В сельской местности остаётся большое количество людей, в том числе пожилых, больных и инвалидов» (*Global Times*, 13 января).

Неудивительно быстрое распространение инфекции из городских агломераций в уезды и сельскую местность, где вирус, занесённый из городов, нашёл простор для разгула: здесь меньше квалифицированных медсестёр и врачей, недостаточно тестов, лекарств и медицинского оборудования, такого как рентгеновские аппараты, а также пожилое население. «В некоторых регионах жители старше шестидесяти лет составляют более половины», а «сельское здравоохранение испытывает острую нехватку кадров». Как пишет Сюй Юйцай, эксперт в области здравоохранения, бывший заместитель начальника управления общественного здравоохранения уезда Шаньин провинции Шэньси, такая ситуация существовала ещё до кризиса здравоохранения, а пандемия привела к ещё большему сокращению количества

кадров. Многие медицинские работники были переведены в другие регионы для усиления штатов, поддержки управления изоляцией, обязательными карантинами и массовым тестированием. В сельской местности клиники «в значительной степени заброшены», им не хватает субсидий, а многие сельские врачи предпочли уволиться (*Sixth Tone*, «As cities ride the surge. How rural China can brace for Covid impact», 30 декабря 2022 г.).

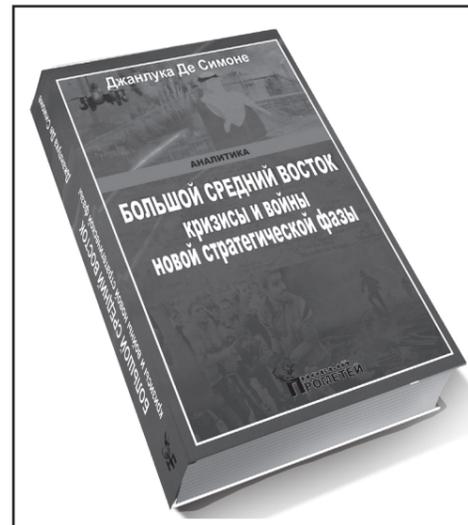
В Китае большая часть ресурсов здравоохранения приходится на города. Показательно распределение кадров: по данным китайской статистики, приводимым *Financial Times*, число врачей в различных провинциях варьируется от менее 2,5 на тысячу жителей до 4, причём по количеству врачей и медсестёр на душу населения в худшем положении находятся западные провинции.

В связи с необходимостью сосуществовать с SARS-CoV-2, фармацевтическая промышленность Китая включилась в вакцинную гонку. Инновационная технология мРНК привела к успеху немецкие и американские компании – BioNTech/Pfizer и Moderna – и открыла новые медицинские горизонты.

22 марта компания CSPC Pharmaceutical Group из Шицзячжуана объявила об одобрении Национальным управлением по медицинским изделиям первой полностью отечественной мРНК-вакцины. Компания утверждает, что она эффективна против разновидности омикрон и «стабильна в течение длительного времени» при температуре обычного холодильника, что является большим преимуществом перед западными конкурентами. Когда она будет доступна для населения, однако, не уточняется.

В настоящее время в мире ведётся работа над около 40 потенциальными вакцинами от Covid-19 на основе мРНК, и девять из них приходится на китайские компании (ВОЗ, «Covid-19 vaccine landscape»). Мы наблюдаем сражение в области медицинских биотехнологий, которые Китай, как и Европейский Союз, а также США, отнёс к категориям отраслей, имеющих «стратегическое» значение для национальной безопасности.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

Джанлука Де Симоне
Большой Средний восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.

Мировое сражение в автомобилестроении

Китайская CATL – лидер в аккумуляторах

По мере того, как пандемия сходилась на нет, возобновлялся марш мировой автомобильной промышленности, в частности, к электрификации автомобилей.

Экспансия
электромобилей

Мировые продажи легковых автомобилей, достигнув пика в 2017 году на уровне 87 млн и дна в 2020 году на уровне 72,9 млн, в 2022 году выросли до 80,2 млн, причём рост на 7,3 млн полностью обеспечен электромобилями (+7,5 млн), а доля автомобилей с двигателем внутреннего сгорания по-прежнему снижается. Доля электромобилей, как гибридных, так и работающих только от аккумуляторов, выросла с 4,4 % в 2020 году до 13,3 %. Доля Китая в мировых продажах автомобилей выросла с 26,4 % в 2015 году до 29,4 % в 2022 году, но для электромобилей она составляет 56,8 % (по данным BloombergNEF). В 2022 году из 10,5 млн электромобилей, проданных по всему миру, 6,2 млн пришлось на Китай, 2,7 – на Европу, 1,1 – на США. Среди двадцати ведущих компаний, производящих электромобили, десять – китайские, с 4 миллионами, или 38,2 % (расчёт на основе данных InsideEVs; небольшое расхождение в таблицах по электромобилям, проданным в 2022 году, связано с различиями в источниках).

Эти цифры свидетельствуют о том, что электрификация автомобилей во всём мире пошла в гору, особенно в Китае, тогда как странам ЕС и США приходится догонять. Как европейский Зелёный курс, так и американский IRA (Закон о снижении инфляции) следует рассматривать как ответ на китайский вызов, хотя американский закон вызвал напряжённость и в отношениях между США и ЕС.

Поскольку 35–40 % стоимости электромобиля приходится на аккумулятор, именно на этом фронте сейчас ведётся глобальная борьба. Огромный рынок электромобилей в Китае стимулирует производство литий-ионных батарей: из десяти ведущих мировых компаний-производителей пять – китайские, на них приходится 59 % производства.

Мы рассматривали китайскую стратегию “перепрыгивания” технологических ступеней в развитии автопрома (leapfrogging) в статьях за декабрь 2019 года (“Электрическая стратегия китайских автопроизводителей”) и август 2020 года (“Эффект масштаба китайского рынка”). Эта статья лишь обновляет анализ и углубляется в детали того, о чём мы писали 4–5 лет назад.

Пример CATL

Пример компании Contemporary Amperex Technology Co. Ltd (CATL), крупнейшего в мире производителя литий-ионных батарей, представляет синтез истории электромобиля в Китае (Quartz, 3 апреля 2019 г.).

Технология литий-ионных батарей была изобретена британскими, американскими и японскими учёными в 1970-х и 1980-х годах. Однако Китай обогнал все страны и стал новой миро-

вой столицей в области их производства, что является основой для мирового лидерства в производстве электромобилей. Это результат промышленной политики китайского правительства, которое не позволило рыночным силам принимать решения, а практиковало активное вмешательство, направляя развитие автомобильного сектора.

Уже в конце 1990-х годов Министерство науки и технологий (MOST) начало вкладывать значительные средства в экологичные автомобили. Исследования электромобилей были включены в программу “863”, или “высокие технологии”, 2001 года (Kelly Sims Gallagher, “The globalisation of clean energy technology. Lessons from China”, 2017). В 2009 году была установлена цель в 500 тыс. электромобилей на 2015 год и 5 млн на 2020 год. К 2022 году в Китае было продано более 6 млн таких автомобилей. Эти цели были подтверждены в апреле 2012 года в “Плане развития энергосберегающей и новой энергетической автомобильной промышленности (2012–2020)”.

История CATL вписана в общую политику китайского правительства. Её основатель Цзэн Юй Цюнь, также известный также как Робин Цзэн, после изучения военно-морской техники в Шанхайском университете Цзяо Тун отправился работать над химией аккумуляторов в TDK, японскую компанию с присутствием в Китае, производящую видеомагнитофоны (VCR) и компакт-диски (CD).

В 1999 году вместе с другими экспертами по химии аккумуляторов Цзэн основал собственную компанию ATL (Amperex Technology Limited) для производства литий-кобальтовых батарей для мобильных телефонов, видеокамер и другой портативной бытовой электроники. В течение двух лет компания произвела батареи для одного миллиона устройств и зарекомендовала себя как надёжный поставщик. После этого успеха в 2005 году компания была продана японской TDK.

Цзэн и второй человек в его команде Хуан Ши Линь, выпускник Технологического университета Хэфэй, решили остаться и управлять ATL как дочерней компанией TDK, чтобы поставлять батареи как Samsung, так и Apple. Тем временем, начиная с 2006 года, Цзэн и Хуан начали задумываться об аккумуляторах для электромобилей.

Поскольку литий-ионные батареи, используемые в электромобилях, сильно отличаются от батарей для портативных устройств, Хуан и Цзэн создали в ATL исследовательский отдел для их разработки, приобретя лицензии на технологию в США.

В 2008 году правительство Китая запустило демонстрационный парк электробусов на Олимпийских играх в Пекине: некоторые из них работали на аккумуляторах компании Хуана и Цзэна. В течение следующих десяти лет правительство ввело субсидии на электромобили и ограничения на автомобили внутреннего сгорания. Это был сигнал мировым автопроизводителям, что, если они хотят конкурировать на китайском рынке, то им придётся выпускать электрические модели. Было поставлено условие, что только автомобили с аккумуляторными батареями, приобретёнными у отечественного поставщика, будут иметь право на государственные субсидии.

В 2011 году ATL была выделена из TDK, и группа китайских инвесторов во главе с Цзэном приобрела 85 % акций. Название компании было измене-

ПРОДАЖИ АВТОМОБИЛЕЙ В МИРЕ И ДОЛЯ КИТАЯ

	2015	% Китая	2020	2021	2022	% Китая	разн. 22/20
С двигателем внутреннего сгорания	79,4	26,4	69,7	68,6	69,5	25,1	-0,2
Электромобили	0,5	24,0	3,2	6,6	10,7	56,8	+7,5
Всего	79,9	26,4	72,9	75,2	80,2	29,4	+7,3
% электрических от общего	0,6		4,4	8,8	13,3		

Цифры в миллионах, пассажирский транспорт; категория “электромобили” включают гибридные.

Источники: BloombergNEF, “Long-Term Electric Vehicle Outlook 2022”.

ЭЛЕКТРОМОБИЛИ: 20 КРУПНЕЙШИХ МИРОВЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
2022 год

			%
1	BYD	Китай	1.847.745
2	Tesla	США	1.314.330
3	SAIC-GM-Wuling	Китай	482.056
4	Volkswagen	Германия	433.636
5	BMW	Германия	372.694
6	Mercedes-Benz	Германия	293.597
7	GAC	Китай	271.557
8	SAIC	Китай	237.562
9	Changan	Китай	237.429
10	Chery	Китай	230.867
11	Kia Sud	Южная Корея	224.784
12	Geely	Китай	224.601
13	Hyundai	Южная Корея	222.500
14	Dongfeng	Китай	204.774
15	Volvo	Швеция	203.144
16	Audi	Германия	191.644
17	Hozon	Китай	149.791
18	Ford	США	148.520
19	Li Auto	Китай	134.409
20	Peugeot	Франция	129.910
Другие			2.967.450
Всего			10.523.000
Всего Китай (10 компаний)			4.020.791

Источник: InsideEVs, 11 февраля.

ЛИТИЕВЫЕ БАТАРЕИ: 10 КРУПНЕЙШИХ МИРОВЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Январь-декабрь 2022 года		ГВт/ч.	%
1	CATL	Китай	191,6
2	LG Energy Solution	Южная Корея	70,4
3	BYD	Китай	70,4
4	Panasonic	Япония	38,0
5	SK On	Южная Корея	27,8
6	Samsung SDI	Южная Корея	24,3
7	CALB	Китай	20,0
8	Guoxuan	Китай	14,1
9	Sunwoda	Китай	9,2
10	Farasis	США	7,4
Другие			44,6
Итого			517,8
Итого Китай (5 компаний)			305,3

Источник: SNE Research.

но на CATL. Четыре года спустя другая группа китайских инвесторов приобрела оставшиеся 15 %.

Японская дисциплина, немецкая инженерия и менеджмент, китайское предпринимательство

Примерно в 2010 году компания BMW и её китайский партнер Brilliance искала поставщика аккумуляторов в Китае, чтобы иметь возможность производить электромобили, подпадающие под государственные субсидии. Выбор пал на компанию CATL.

В 2013 году началось сотрудничество между CATL и BMW. Инженеры немецкого автопроизводителя работали с коллегами компании по производству аккумуляторов. Обмен идеями и опытом – это политика Китая в отношении иностранных компаний: если вы хотите производить и продавать в Китае, вам нужен не только финансовый капитал или оборудование, но и передача человеческих навыков. По сути, это та же стратегия, которая была использована при создании Shanghai Volkswagen

Automotive Co. (Бюллетень “Интернационалист” № 98. Январь 2010)

«Мы многому научились у BMW и теперь стали одним из ведущих производителей батарей в мире», – говорил Цзэн в 2016 году и добавлял: «Высокие стандарты и требования BMW помогли нам быстро расти» (Quartz, там же).

Сегодня клиентами CATL является целый список производителей автомобилей, включая BMW, Daimler, Hyundai, Honda, Stellantis, Tesla, Toyota, Volkswagen и Volvo. В Китае в этот список входят BAIC Motor, Geely, GAC Group, SAIC Motor и Foton Motor. Капитализация компании сейчас превышает капитализацию General Motors и Ford вместе взятых (New York Times, 22 декабря 2021 года).

Успех CATL является результатом объединения японской дисциплины, немецкой инженерии и менеджмента, китайского предпринимательства и правительственной политики Пекина для того, чтобы стать крупнейшим в мире производителем аккумуляторов.

Lotta comunista, май 2023 г.

ПРОДАЖИ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ В 2022 г.

Китай	6.181	58,7%
Европа	2.683	25,5%
Северная Америка	1.108	10,5%
Другие	551	5,2%
Всего	10.523	

Источник: InsideEVs, 11 февраля.

Страницы истории рабочего движения

“Анти-Дюринг”

И закон против социалистов

После съезда в Готе в 1875 году объединившаяся социал-демократия привлекла массу идеологов, “создателей систем” и самозванных теоретиков социализма, часто деклассированных мелкобуржуазных интеллигентов, которые предлагали рабочим эклектические и псевдонаучные концепции. Наиболее известен случай Карла Ойгена Дюринга, который тогда начал оказывать растущее влияние на немецкое движение.

Борьба с эклектикой

По настоянию товарищей по партии в эту ситуацию вмешался Энгельс: с января 1877 года он начал публиковать в лейпцигской *Vorwärts* серию статей, которые затем, в 1878 году, были собраны в книгу под названием “Анти-Дюринг”.

В предисловии Энгельс вспоминает, что его немецкие друзья считали это «крайне необходимым, чтобы не дать столь молодой ещё и только что окончательно объединившейся партии нового повода к сектантскому расколу и к замешательству»¹. Тем более что Дюринг не представлял собой «единичного явления», а был лишь одним из «характернейших типов этой развязной псевдонауки, которая [...] в Германии повсюду лезет на передний план и всё заглушает грохотом своего высокопарного пустозвонства». Энгельс указывает, что речь идёт о детской болезни, которая «свидетельствует о начинающемся переходе немецкого студия на сторону социал-демократии и неотделима от этого процесса, но наши рабочие при своей замечательно здоровой натуре несомненно её преодолеют»².

Немного работы имели такое же значение для восприятия марксизма в Германии, как “Анти-Дюринг”. Текст Энгельса был решающим орудием против мелкобуржуазного эклектизма и оппортунизма в эпоху закона против социалистов.

Решающие двадцать лет

С 1870 по 1890 год, то есть в период интернационалистского сражения в рамках франко-прусской войны и тяжёлого ученичества в условиях введения закона против социалистов, германская социал-демократия инициирует усвоение марксизма – в значительной степени через изучение “Анти-Дюринга” – и выковывает свою собственную партийную организацию, ставшую образцом для других отрядов нашего международного класса. В “Тетрадах” по стратегии³ Арриго Черветто комментирует одно суждение Энгельса 1878 года (из работы “Европейские рабочие в 1877 году”), в соответствии с которым немецкий пролетариат стоит во главе европейского рабочего движения: «Именно с немецкой партии начнётся распространение марксизма в его теоретической и организационной формах; т. е. начнётся “взлёт” распространения науки, которого напрасно ждала Англия». Социал-империалистическое перерождение немецкой партии в XX веке «не может стереть того, что: I) начался процесс распространения; II) процесс распространения был начат германской партией; III) это сделало возможной явление русской партии».

11 мая и 2 июня 1878 года на императора Вильгельма I были совершены два покушения. Уже в мае Бисмарк использовал это как предлог, чтобы представить в рейхстаге проект закона против социалистов, но

либералы и католики из Партии Центра отклонили его. После второго покушения Бисмарк распустил рейхстаг. Новые выборы, прошедшие в июле 1878 года, дали консерваторам большинство, и благодаря голосованию национал-либералов Бисмарк получил одобрение закона против социалистов 221 голосом против 149. Этот закон будет действовать до 1890 года. Он предусматривал роспуск социалистических объединений, запрещение публичных собраний и демонстраций, закрытие газет, возможность объявления отдельными государствами “осадного положения”. Однако это не помешало девяти депутатам-социалистам заседать в рейхстаге.

Франц Меринг в “Истории немецкой социал-демократии” определяет период 1878–1879 как «Год замешательства»⁴. Дезориентированная “исключительными законами” немецкая партия раскололась на три “тактических направления”⁵, что стало выражением более глубоких теоретических и стратегических разногласий.

Анархизм Freiheit

Первое течение оформилось в анархистских кругах, связанных с газетой *Freiheit* Иоганна Моста, издаваемой в Лондоне. В одном из своих памфлетов Мост пытался популяризировать первый том “Капитала”, но лишь продемонстрировал, что грубо его не понял. На пару с Вильгельмом Гассельманом он был выразителем мелкобуржуазного эклектизма в его максималистском варианте, восхваляющем насилие и террор.

Маркс считал, что между классовой партией и анархистским течением есть дистанция, и написал об этом в наброске статьи “Прения в Рейхстаге о законе против социалистов” (сентябрь 1878), где отверг обвинения в терроризме, выдвинутые против социалистов: «Анархистское направление – не “крайнее течение” германской социал-демократии – Эйленбург должен был бы доказать это, а он из этого исходит. В одном случае дело идёт только о действительном историческом движении рабочего класса; в другом мы имеем дело лишь с призраком, созданным “jeunesse sans issue”, которая хочет делать историю, но только показывает, как идеи французского социализма карикатурно воплощаются в *hommes déclassés*. Соответственно этому анархизм фактически везде преодолен и прозябает лишь там, где ещё нет настоящего рабочего движения. Это – факт»⁶.

“Цюрихское трио”

Второе течение выражало мелкобуржуазный идейный дрейф в форме правого оппортунизма. Это была линия газеты *Zukunft*, основанной Карлом Хохбергом в Цюрихе в 1877 году. Хохберг, сын богатого банкира из Франкфурта, исповедовал социализм, сведённый к этическому видению мира, вдохновлённому кантианством, и был подвержен влиянию экономистов, близких к “катедер-социалистам”. В редакцию *Zukunft* также входили Карл Август Шрамм, Эдуард Бернштейн и Альберт Шаффле, чья “Квинтэссенция социализма” защищала государственный капитализм.

В августе 1879 года так называемое “цюрихское трио” в составе Хохберга, Шрамма и Бернштейна опубликовало в газете Хохберга *Jahrbuch Für Sozialwissenschaft Und Sozialpolitik* статью под названием “Ретроспектива социали-

стического движения в Германии”. Они утверждали, что социал-демократическая партия поспособствовала введению “исключительных законов”, потому что это подпитывало «страх перед красным призраком», пугая немецкую либеральную буржуазию идеей революции. По их мнению, партия должна была поставить себя под руководство образованных буржуа, «чтобы научиться хорошим манерам» и перед лицом закона против социалистов показать, «что она не намерена вставать на путь революции», а скорее избирает «путь законности, то есть реформы».

“Циркуляр” против оппортунизма

В сентябре Маркс и Энгельс ответили “Циркулярным письмом А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др.”: «Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может “зайти слишком далеко”. Вместо решительной политической оппозиции – всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии – попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху – смиренная покорность и признание, что кара заслужена. Все исторически необходимые конфликты истолковываются как недоразумения [...]»⁷.

“Циркуляр” материалистически объясняет явление эклектизма и оппортунизма внутри партии, ссылаясь на то, что уже было сказано в “Манифесте Коммунистической партии” о тяготеющих к пролетариату элементах господствующих классов: «[Немецкие] буржуа, [примкнувшие] к движению, [делают] попытки согласовать поверхностно усвоенные социалистические идеи с самыми различными теоретическими взглядами, [разделяемыми] этими господами [...]; все эти взгляды – один путанье другого, что объясняется тем процессом разложения, которому ныне подвергаются остатки немецкой философии». Тем не менее, продолжает “Циркуляр”, «если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение. [...] Если эти господа образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступить с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д. Но в рабочей партии они чуждый элемент»⁸.

Развернуть знамёна в Европе

Наконец, третье течение, поддерживаемое Марксом и Энгельсом, стремилось основать в Швейцарии революционную классовую газету. В письме к Зорге от 19 сентября 1879 года Маркс реконструирует факты: «Бебель писал нам, что в Цюрихе хотят создать партийный орган. [...] В качестве предполагаемого редактора нам назвали [Карла] Гирша. Мы на это согласились [...], потому что только он один давал нам уверенность, что весь этот сброд из докторов, студентов и т. д. и вся эта катедер-социалистическая сволочь [...] не будет подпущена близко и что партийная линия будет строго проводиться»⁹. Однако в этом

пункте оппортунистическое течение выступило против, объявив, что газета Гирша *Lanterne* проповедует «ультрареволюционность». Не желая подчиняться цюрихскому трио и шантажу деньгами со стороны Хохберга, Гирш отошёл.

В “Циркуляре” Маркс и Энгельс становятся на сторону Гирша, указывая на необходимость газеты, которая позволила бы «идти вперёд с развёрнутым знаменем»: «Но для чего вообще уезжать за границу, как не для того, чтобы идти вперёд с развёрнутым знаменем? За границей этому ничто не препятствует. В Швейцарии нет ни германских уголовных законов, ни германских законов о печати и союзах». Декларировать свою революционную позицию из Цюриха было не только возможностью, но и обязанностью, так как «там мы стоим не только перед лицом Германии, но и перед лицом Европы»¹⁰.

В результате этой борьбы, как Маркс сообщил Зорге 14 ноября 1879 года, Хохберг и цюрихские члены были исключены из редакционной комиссии, и началось издание *Sozialdemokrat* под редакцией Георга Генриха фон Фольмара, который в то время принадлежал к революционному крылу партии.

Легальная и нелегальная работа

Энгельс в письме Беккеру от 1 июля 1879 года замечает, что Бисмарк своим законом против социалистов обнажил иллюзии парламентаризма и легализма, «направив движение по революционному руслу»¹¹. Маркс в письме к Зорге нападал на оппортунизм, который исповедовали «контрреволюционные болтуны»: «[Они] настолько успели заразиться парламентским идиотизмом, что считают себя уже выше критики»¹².

Позже Ленин в “Детской болезни левизны в коммунизме” напишет о важности «соединения легальной и нелегальной борьбы». Это стало основным уроком «германского [опыта] 1878–1890 годов»¹³: легальные средства парламентской трибуны сочетались с подпольным распространением *Sozialdemokrat* через “красную полевую почту”.

Это решение будет официально принято Немецкой социал-демократической рабочей партией (SDAP) на съезде в Видене 20–23 августа 1880 года. Партия исключила Моста и Гассельмана и изменила Готскую программу, подтвердив, что теперь стремится к своей цели всеми средствами, а не просто всеми законными средствами.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 5.

2 – Там же. С. 6, 7.

3 – Cervetto A. Opere. Vol. 7. Quaderni. Strategia e marxismo. Milano: Lotta comunista, 2019.

4 – Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество “Просвещение”. Выпуск восьмой, 1896. С. 5.

5 – Там же. С. 22.

6 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 45. С. 142.

7 – Там же. Т. 19. С. 172.

8 – Там же. С. 174.

9 – Там же. Т. 34. С. 325, 326.

10 – Там же. Т. 19. С. 167, 168.

11 – Там же. Т. 34. С. 299.

12 – Там же. С. 326, 328.

13 – Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 44.

Франция: движение Сопротивления и национальное единство

Оливье Вьевьорка в своей книге 2017 года "Une histoire de la Résistance en Europe occidentale, 1940-1945" пишет, что устоявшаяся интерпретация, оценивающая «кооперацию» между англо-американцами и движением Сопротивления как «образцовую», очень мало соответствует фактам: «Сусальный образ союзников, сражающихся вместе против Третьего рейха, скрывает неумолчимый факт: стремясь победить нацистскую Германию, Великобритания, Соединённые Штаты и их союзники преследовали собственные национальные интересы».

Французский историк пишет, что стратегии европейского Сопротивления определялись именно из Лондона через Управление специальных операций (УСО), и только с 1941 года на поле боя вышли американские и «советские» службы. Во время конфликта УСО завербовало 13 тыс. агентов и обеспечило членство в Сопротивлении 1 млн человек. Из 4.223 человек, отправленных в Европу, 1.770 были десантированы во Францию, 542 в Норвегию, 540 в Италию, 198 в Бельгию и 120 в Голландию, что отражает стратегические приоритеты Великобритании. Этим людям было немало, и это были не случайные заключённые в бегах, а военные специалисты, указывающие цели, к которым движение должно было стремиться, так как они были единственными, кто мог гарантировать поставки оружия, взрывчатых веществ и денег для их закупки.

Движение Сопротивления и национальное единство

Французским партизанам были поручены диверсионно-разведывательные работы, их силы на время высадки союзников на континенте держались в резерве. Посланник де Голля Жан Мулен перед тем, как он был схвачен и убит, собрал Французские внутренние силы (FFI) движения Сопротивления, в которые входили «Франтиреры и партизаны» (FTP), связанные со сталинистской Французской коммунистической партией (ФКП) и включавшие состоящую из беженцев во Францию Main-d'œuvre immigrée (MOI); Libération-sud; группа Combat, созданная правыми националистами, но враждебно настроенными по отношению к немецкой оккупации.

К числу маки также относились рабочие и молодые люди, избежавшие отправки на принудительные работы в Германию. Столкновения, таким образом, стали более интенсивными, как и репрессии СС. После прибытия в Германию первых континентов рабочих-добровольцев, привлечённых более высокой заработной платой, были насильственно депортированы 600 тыс. рабочих, которые присоединились к огромной массе французских военнопленных, содержащихся в лагерях рейха.

«Рабочий и солдат»

Опыт интернационализма во время войны стала подпольная газета «Arbeiter und Soldat» («Рабочий и солдат»), выходившая с июля 1943 по июль 1944 года на немецком языке и печатавшаяся в парижском доме двух швейцарских коммунистов Павла и Клары Тальманн (о них мы расскажем в другой раз). Газета распространялась по инициативе троцкистского милитанта «с уникальным характером» Мартина Моната (Виктора), обладавшего собственными вполне отчётливыми политическими позициями. Он родился в 1913 году в Берлине, боролся в рядах социалистической левой внутри

еврейского движения и после путешествий по Европе прибыл во Францию.

Виктор организовал в Нанте и Бресте группу из 15 немецких солдат, которая затем выросла до 50 человек и обзавелась связями в Гамбурге, Любеке, Тулоне и контактами в Бельгии и Италии. «Arbeiter und Soldat» получила широкое распространение на верфях среди сотен тысяч французских рабочих и немецких солдат, сосредоточенных там для подготовки нападения на Англию и последующего строительства Атлантического вала для защиты нацистской Европы.

«Arbeiter und Soldat» признавала империалистический характер конфликта и необходимость единства рабочих и солдат всех вовлечённых в него наций с целью превращения войны в революцию. После года напряжённой работы, в октябре 1943 года, по наводке шпиона произошли аресты, обрушившиеся на Брест и Париж и вынудившие Виктора приостановить выпуск газеты, а затем скрываться. Было арестовано более 20 милитантов и сочувствующих, 11 из них были депортированы, и 4 из них не вернулись, а 15 немецких солдат были тайно расстреляны. Робер Круо, молодой почтальон из Нанта, который был «душой» этого «братания», имитировал побег из здания гестапо, чтобы быть застреленным часовыми и таким образом избежать пыток.

Захваченный в Париже лидер группы Марсель Ик, который также был крупнейшим представителем троцкистского движения в Европе, встретил свою смерть в концентрационном лагере «Дора-Миттельбау». Ещё 4 милитантов и 1 немецкий солдат были замучены и убиты нацистами. Только двоим Тальманнам удалось избежать ареста.

Виктор был схвачен гестапо в июле 1944 года, подвергнут пыткам и оставлен умирать в Венсенском лесу, где позднее и был найден и инкогнито госпитализирован в больницу еврейской общины, контролируемой немцами. Но до того, как его товарищи смогли организовать его побег, он снова был выслезен гестапо, арестован и убит. Это произошло всего за месяц до освобождения Парижа.

Иностранцы партизаны во французском Сопротивлении

Выпуск № 23 журнала «Cahiers Léon Trotsky» (CLT) за сентябрь 1985 года реконструирует историю FTP – MOI в период активности движения Сопротивления. Организованные сталинистской ФКП, эти «вырванные с корнем милитанты» в целом следовали её линии, но «резко возмущались» пактом Гитлера – Сталина 1939 года, хотя и приняли его объяснение. Именно они, обладая опытом Гражданской войны в Испании, проявили инициативу во время забастовок горняков в Па-де-Кале и первых вооружённых действий после нападения Германии на СССР в июне 1941 года, а затем были организованы ФКП в качестве FTP – MOI.

В основном они были сосредоточены в районе Парижа, но имели важные группы в Тулузе и Лионе, насчитывали примерно 250 человек и возглавлялись армянином Мисаком Манушяном. Как поясняют Джованни Пирелли и Пьетро Мальвецци – редакторы «Lettere di condannati a morte della Resistenza europea», где приведено последнее трогательное письмо Манушяна его подруге, FTP – MOI состояла из четырёх отрядов: «[Один] почти в полном составе [состоял] из венгров и румын, второй из евреев, третий преимущественно из поляков, а четвёртый из итальянцев, испанцев и армян». «Лучшие бойцы четырёх отрядов сформировали отряд непосредственно подчинённый» самому Манушяну. По данным CLT, «именно эти группы иностранцев в 1942 и 1943 годах осуществляли около 80 % вооружённых действий и диверсий, зачёркнутых FTP».

По мнению CLT, центральная проблема состояла в следующем: «Иностранцы милитанты, зачисленные в отряды MOI, попали в ужасное противоречие». Для них борьба с нацистами «была связана с борьбой за освобождение человечества от всякого угнетения, но они вели её под руководством партии, [которая] маскировала их под «патриотов»».

«Шовинистической» ориентации ФКП, публиковавшей свою газету L'Humanité с заголовками типа «Каждому свой немец», призывавшими к тому, чтобы каждый активист убил «своего» немца, противостояло стремление к «братанию» со стороны иностранцев MOI, особенно немцев, которые во время расстрела кричали: «Да здравствует Коммунистическая партия Германии!».

Группа Манушяна была единственной, которая «осталась в пределах Парижа летом 1943 года». Остальные части были отправлены в горы, а ей поставили задачу по совершению «зрелищных действий, призванных продемонстрировать активность «французских патриотов» в столице. Когда давление врага усилилось, «бойцы-иммигранты попросили предоставить им возможность отступить в большие города Юга, где они

могли бы защитить себя в своих коммунах». ФКП в явной форме не разрешила им этого, и MOI «бросалась во всё более опасные действия», обвиняя оппонентов из ФКП в «дезертирстве».

«Красный плакат»

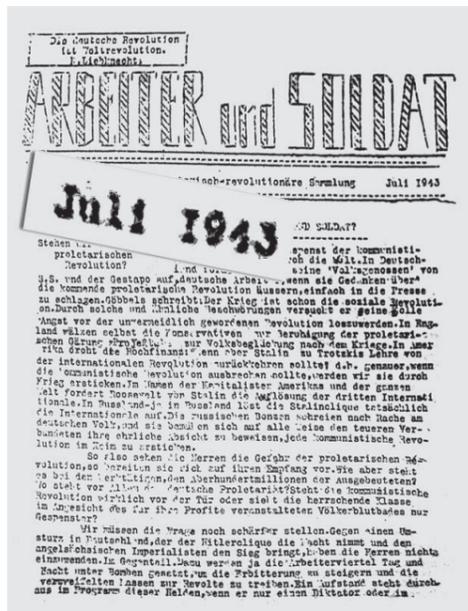
Манушян попал под подозрение не только из-за высказанных им требований, но и из-за того, что в своих рядах он приветствовал антисталинистских диссидентов. Говоря о лидерах ФКП, он как-то заявил одному товарищу: «Я считаю, что они хотя бы приведут нас к смерти», – а в своём последнем письме уточнял: «Я прощаю всех, кто причинил или хотел причинить мне боль, кроме тех, кто предал нас, чтобы выкупить свою шкуру, и тех, кто продал нас».

В связи с обстоятельствами падения группы Манушяна, которое произошло то ли из-за действий противника, то ли из-за предательства со стороны ФКП, разгорелся ожесточённый конфликт, который, насколько нам известно, не завершился до сих пор. Но нам важно подчеркнуть несомненный политический аспект: группа с «интернационалистскими» устремлениями, что отчасти объяснялось её составом, была вынуждена бороться за «Величие Франции» и расплачиваться за это своей жизнью.

Троцкистский журнал заключает, что «политика классового сотрудничества [ФКП], союз с де Голлем требовали ликвидации MOI – иностранных милитантов, чей героизм и чья деятельность во время вооружённого сопротивления могли затмить трёхцветный образ ФКП и которые могли стать «знаменосцами движений, стремящихся выйти за рамки реставрации».

Суд и смертный приговор группе Манушяна были организованы правительством Петена и нацистами, чтобы продемонстрировать, что «так называемое Сопротивление» на самом деле возглавляло «иностранцы преступники», а не французы. В правительственном манифесте, известном как «L'affiche rouge» («Красный плакат»), для этой цели перечислялись все осуждённые нефранцузской национальности, начиная с армянина Манушяна. Однако этот же гнусный манифест многие милитанты провозгласили символом Сопротивления, интернационального Сопротивления.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

Arbeiter und Soldat – факсимиле приложения к La Vérité 1940-1944, Париж, 1978.

Две политические культуры для Энтони Блинкена

Нынешний госсекретарь Энтони Блинкен происходит из либерального экономического, политического и культурного истеблишмента Нью-Йорка и отражает его исключительность – американскую мечту, – а также связи с Европой, скреплённые традицией и бизнесом. Но в его формировании также сыграл роль европейский реализм.

Нью-Йорк, Париж и Новая Европа

Взгляды госсекретаря по многим вопросам и даже выступление с гитарой под конец интервью популярному Late Show на канале CBS в мае 2022 года – всё это отсылает к «двум парам [его] родителей».

Биологические родители Дональд (1925–2022) и Джудит Фрем – нью-йоркские евреи. Дедушка по отцовской линии Морис основал фабрику в Нью-Йорке, куда переехал из Киева, и был одним из тех, кто финансировал рождение Израиля. По словам его младшего сына Алана (1937), ставшего менеджером компании Wertheim, Морис был примером «того, чего можно добиться в Америке». Дональд, брат Алана и отец Энтони, был крупным коллекционером работ художника Марка Ротко, участвовал в основании инвестиционного банка Warburg Pincus и служил председателем State University of New York (1978–1990). В 1958 году он женился на Джудит, которая родила от него Энтони (1962). В 1975 году он второй раз женился на Вере Эрмер, еврейке – дизайнере интерьеров, в 50-е годы бежавшей из Венгрии («*Vera and the Ambassador*», 2009).

И отец Дональд, и дядя Алан финансировали Демократическую партию и были назначены Биллом Клинтонем послами в Венгрии и Бельгии. Во время службы в Будапеште (1994–1997) Дональд продвигал демократические реформы и интеграцию с западным рынком, а его жена Вера возобновила гуманитарную помощь, которую оказывала с 70-х годов венграм посредством International Rescue Committee. В 1999 году Дональд выступил в поддержку расширения НАТО на Восток, считая «слишком преувеличенным» страх столкнуться с Россией. Энтони запомнил отца как свой «пример и героя» (*New York Times*, 23.09.2022).

Мать Энтони Блинкена Джудит происходила из венгерской семьи, закончила Джульядскую школу, затем продолжила работать в сфере культуры и после развода в 1971 году переехала в Париж, где стала президентом фонда искусств American Center. Вплоть до старшей школы Энтони учился во французской столице, где жил с матерью и её вторым мужем Самюэлем Пизаром.

Пизар, имевший польское происхождение и переживший холокост, так запомнил картину своего спасения: темнокожий солдат поднял его на американский танк. Занимавшийся контрабандой в Германии, оккупированной Штатами, он мог бы стать «террористом или гангстером», как сам вспоминал. Однако жившая в Париже тётя отправила его сначала в Гарвард, где он познакомился с Джоном Кеннеди, а затем в Сорбонну («*Of Blood and Hope*», 1980). После получения американского гражданства в 1961 году Пизар, занимавший пост советника при

президенте, продвигал торговые связи Востока и Запада, он был другом и советником Франсуа Миттерана и Валери Жискар-д'Эстена, спичрайтером президента Клинтона по вопросам внешней политики, бывал в Белом доме при Обаме и служил послом ЮНЕСКО. Дочка Леа, которую ему родила Джудит, работала в Белом доме под началом Клинтона.

Европейская школа

Как только Блинкен был назначен госсекретарём, он зажёг надежды Парижа, поскольку считалось, что его беглый французский позволит перезапустить атлантические отношения. Подобные надежды испытывали и страны Восточной Европы, а также Украина.

Робер Мэлли, посол при президенте Обаме, близко знаком с Блинкеном: они вместе ходили в школу в Париже и сотрудничали в Совете национальной безопасности при Клинтоне. На страницах *Politico* он вспоминает, что Париж не всегда привечал американцев, зато манифестации против войны во Вьетнаме предоставили новую точку зрения на Америку.

Блинкен вернулся на родину, чтобы получить высшее образование (1984), но углубил своё европейское видение, продвигаемое его гарвардскими профессорами политологом Робертом Патнэмом и экономистом Ричардом Купером, тогдашним заместителем госсекретаря при Джимми Картере (1977–1981) и будущим советником по разведке при Клинтоне. Блинкен интересовался трениями между Вашингтоном и европейскими союзниками, которые ранее усилились в связи с кризисом вокруг сибирского газопровода (1982). Это было проявление энергетического *Rapallo* между Берлином и Москвой, о котором мы много говорили в доказательство его нынешней политической значимости.

Книга Блинкена «*Ally Versus Ally*» («Союзник против союзника», 1987) основана на обращении к влиятельным точкам зрения. Автор работал по заказу Марти Перетца, царя *The New Republic*, в кабинете Даниэля Мойнихана, влиятельного сенатора от Нью-Йорка. Более того, благодаря европейцу Жан-Жаку Серва-Шрайберу и другим он повстречал ряд действующих лиц кризиса 1982 года: среди них выделяются с американской стороны Ричард Пайпс, историк и антирусский ястреб из ЦРУ, с европейской – бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт (1974–1982). Как раз из разговора со Шмидтом Блинкен делает выводы, вдохновлённые *Realpolitik*: Вашингтон должен был принять то, что Западная Европа не откажется от энергетических и торговых отношений с Востоком «за исключением ситуации войны или острой напряжённости».

Сторонникам Рональда Рейгана Блинкен готов был уступить в том, что ожидание изменений в сторону демократии как продукта процветающих экономических отношений между Востоком и Западом было лишь благочестивым желанием либералов, однако он заключал, что оставался путь, который принёс бы Западу выгоду и предоставил бы «советским сателлитам большее пространство для манёвра» вплоть до достижения

стратегических целей, невозможного в других условиях.

В 1987 году ещё не было известно, что ради разрушения энергетической связи между СССР и Германией Вашингтон пойдёт даже на саботаж сибирского газопровода, о чём позднее напишет один из советников Рейгана Томас Рид («*At the Abyss*», 2004). Однако энергетическое *Rapallo* пережило даже распад СССР и существовало вплоть до назначения Блинкена госсекретарём.

В марте 2021 года, вскоре после назначения и за 8 месяцев до начала войны на Украине, Блинкен «прояснил» министру иностранных дел Германии Хейко Маасу, что если Берлин завершит строительство «Северного потока – 2», то Вашингтон ответит экономическими санкциями. Угроза не была приведена в действие по решению Джо Байдена в мае, после разговора с канцлером Ангелой Меркель (*Washington Post*, 21 марта).

Дебют с Олбрайт и долгая практика с Байденом

Закончив Юридическую школу Колумбийского университета, Блинкен начал заниматься политикой вместе с отцом в *фандрайзинге* для Дукакиса, в 1993 году стал спичрайтером президента Клинтона по вопросам внешней политики и оставался в Совете по национальной безопасности до 2000 года при госсекретаре Мадлен Олбрайт.

По мнению Мэлли, война в Боснии оказала на Блинкена ещё большее влияние, чем война в Руанде, потому что он считал Дейтонские соглашения 1995 года примером того, что Соединённые Штаты могут добиться «за несколько месяцев», сочетая военную силу и дипломатию.

В 2001 году начался фундаментальный для карьеры Блинкена опыт – сотрудничество с Байденом: Блинкен заведовал кадрами, когда Байден председательствовал во влиятельной комиссии по иностранным делам в Сенате (2001–2003 и 2007–2009). Когда Байден служил вице-президентом при Бараке Обаме (2009–2013), Блинкен стал его советником по национальной безопасности.

Благодаря этой более чем десятилетней истории совместной работы Блинкен пользуется большим доверием Байдена. Последний много раз выражал уважение к человеку, который обычно руководствуется прагматизмом, необходимым как в Сенате для сведения воедино разнонаправленных толчков представителей штатов, так и во внешней политике для сглаживания противоречий с союзниками и противниками.

В 2002 году Блинкен женился на католичке Эван Райан, и их карьеры пошли параллельно: она служила помощницей госсекретаря по культуре при Керри (2013–2017), а с 2021 года является секретарём кабинета при президенте; он был заместителем советника президента по национальной безопасности, затем заместителем госсекретаря при Обаме (2013–2017).

Блинкен поддержал войны в Афганистане и Ираке, но критиковал односторонность, с которой Буш – младший оттолкнул европейцев; во время президентства Обамы он поддержал интервенцию в Сирию, но разошёлся во мнении с Байденом по поводу Ливии. «[Высказывая] опасения по поводу токсичного газа в Сирии, – объяснял Пизар в 2013 году, – он неизбежно вспоминал

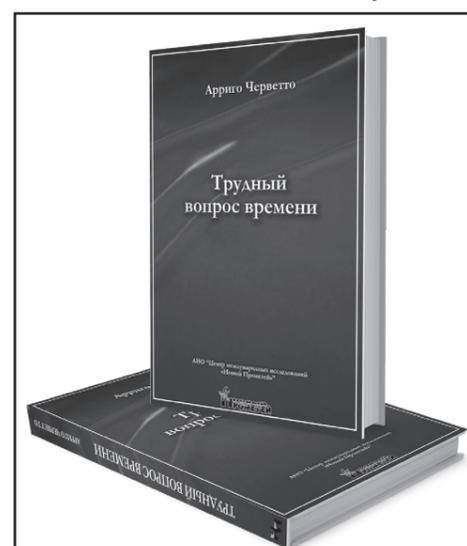
газ, с помощью которого была уничтожена вся моя семья».

Прагматичная исключительность для Государственного департамента?

В 2019 году на страницах *Washington Post* Блинкен обобщал свою мысль: «Мы прогнозируют Саддама Хусейна из Кувейта и свергли диктатора, который торговал наркотиками в Панаме; мы принесли мир на Балканы с минимальными потерями среди американцев и затем убили Усаму бен Ладена». Из войны в Ираке, продолжал он, были вынесены не те уроки, особенно в отношении Сирии: «Поскольку мы не использовали необходимые инструменты силы, было невозможно договориться о мире». «Если Соединённые Штаты отрекаются от роли лидера в формировании международных правил и в мобилизации других на их защиту [...] или другие державы будут двигать мир таким образом, чтобы реализовывать собственные интересы и ценности, а не наши, [в таком случае] скорее всего, мир будет ввергнут в хаос, как это было в 30-е годы». Соавтором статьи был Роберт Каган, муж нынешней заместительницы госсекретаря Виктории Нуланд, которого *Financial Times* называет «невозмутимым апостолом американского интервенционизма» (20 января).

Der Spiegel, комментируя статью, задавалась вопросом, не похож ли Блинкен на «тихого американца» пера Грэма Грина – выдуманного писателем американского функционера во Вьетнаме, движимого идеалами вильсонизма, что в итоге привело к катастрофическим результатам. Однако газета заключала, что прагматичный подход, созревший за годы взаимоотношений с Байденом, сделал менее значимыми позиции, выраженные на пару с Каганом. Возьмёт ли прагматизм верх над исключительностью в Государственном департаменте – вопрос открытый.

Lotta comunista, март 2023 г.

Арриго Черветто

Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ «Новый Прометей»» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.

ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб

Хроники Шёлкового пути

Немезис

“открытых дверей”

Подтверждая тот факт, что находится в фазе восхождения, Китай не погружается в протекционистский цикл мирового порядка, но усиливает его противоречия, поскольку отныне китайские “открытые двери” неотделимы от мировой проекции Дракона.

Заместитель директора Центра исследований целостного видения национальной безопасности Китайской академии современных международных отношений (CICIR) Дун Чунли предупреждает: «Военные конфликты становятся более интенсивными, часто используются крайние средства, сохраняется риск ядерной войны, усиливается гонка вооружений, международный порядок рушится». И несмотря на это, китайская Центральная комиссия национальной безопасности подтвердила, что Китай продолжает придерживаться политики открытости.

По словам декана Школы международных исследований Китайского народного университета Цзинь Цаньжуна, в комиссии обсуждаются в том числе сценарии колоссального геополитического или финансового кризиса, рискующего перерасти в войну. Тем не менее продолжение политики открытости китайского рынка американским предпринимательским элитам и западным странам, которые не хотят следовать в русле «новой холодной войны» администрации Байдена против Китая, остаётся одной из наиболее эффективных мер для «предотвращения самых плохих и крайних сценариев».

Первое вынужденное “открытие”

Великобритания навязала Китаю режим “открытых дверей” в результате первой Опиумной войны. В период между Нанкинским договором 1842 года и японо-китайской войной 1894 года она обладала промышленным и торговым превосходством над другими европейскими державами. Тогда равный торговый доступ к Китаю оказался в кризисе по причине гонки за железнодорожными и сырьевыми концессиями, политико-стратегическими базами эксклюзивных сфер влияния, против чего в 1899 году выступили Соединённые Штаты. Вашингтон позаимствовал у Лондона доктрину “открытых дверей”, чтобы поучаствовать в империалистическом разделе Китая, а в 1930-е годы – чтобы защитить его единство от японских атак.

По мнению Пьера Гроссе, гонку за концессиями спровоцировала в 1897 году Германия, создав прецедент «арендованной территории» в Циндао (провинция Шаньдун). В своей книге 2017 года «L'Histoire du monde se fait en Asie» французский историк полагает, что договор 1896 года между Китаем и Россией о железной дороге в Маньчжурии представлял собой старую форму экономического проникновения, оговорённого с Пекином, в отличие от аренды Порт-Артура на полуострове Ляонин в 1898 году. Не отставали Франция и Великобритания: первая получила территории в провинции Гуандун, а вторая – рядом с Гонконгом, а также в городском округе Вэйхай (провинция Шаньдун). Существовала даже гипотеза формирования эксклюзивной британской зоны вдоль Янцзы.

Державы протягивали руки к территориям, которые они заставили Японию вернуть Китаю в результате “тройственной интервенции” Франции, Германии и России после войны 1894 года. По мне-

нию Генри Киссинджера, это положило конец попытке Китая самому использовать “открытые двери”.

Использовать варваров против варваров

Киссинджер считает, что китайские власти, имевшие плохие карты, сыграли умело, даже настаивая на уважении «унизительных договоров», навязанных державами, предлагая концессии в разных городах и намеренно приглашая разных иностранцев делить пирог, чтобы можно было «использовать варваров против варваров» и ограничить гегемонию Британии. Учитывая почти полную военную беспомощность Китая, оборонительное сражение по сохранению независимого правительства завершилось, с точки зрения Киссинджера, *поразительным успехом*.

В книге “О Китае” Киссинджер оценивает шаги двух китайских государственных деятелей. В своём исследовании пионер Вэй Юань «предлагал применить в китайской практике того времени уроки европейской дипломатии, основанной на поддержании баланса сил». Киссинджер цитирует его трактат “Планы морской обороны” (1842): «Существуют два способа борьбы с варварами, а именно: подталкивать враждебно относящиеся к варварам страны к нападению на них и изучать всё, в чём варвары превосходят нас, дабы держать их в узде. Существует два способа поддержания мира с варварами, а именно: разрешить различным торговым странам вести торговлю и таким образом сохранять мир с варварами и выполнять первый договор Опиумной войны с целью ведения международной торговли». Ограниченность этого подхода была предметом длительной полемики.

Генерал Ли Хунчжан пришёл к похожим выводам в 1863 году, в начале попытки “самоусиления”, с которой Китай намеревался открыться и научиться у “варваров” – немного раньше Реставрации Мэйдзи в Японии (1868). “Китайский Бисмарк” советовал обращаться к более далёким “варварам” из Соединённых Штатов, заинтересованным в торговле, чтобы сдерживать территориальные аппетиты более близких “варваров”. Именно Ли убедил Петербург продвигать “тройственную интервенцию”, чтобы выбить Токио из Маньчжурии в 1895 году. Правда, её итог был неприятным: российское влияние в Маньчжурии спровоцировало борьбу за концессии. «Стратегия баланса между варварами до определённой степени срабатывала», во всяком случае в плане предотвращения эксклюзивного доминирования в Китае какой-то одной державы.

Предшественники суперпровинций

В книге “Civilization and the Chinese Body Politic” (2023) Чжэн Юнъянь указывает на политико-институциональную сторону тех событий, испытывавшую влияние трёх факторов: роста китайского населения с 300 до 430 млн человек в первой половине XIX века, внутреннего восстания тайпинов и вторжения держав. По мнению политолога из Шэньчжэня, в период с 1840-х до 1870-х годов «ответом была парадоксальная смесь модернизированных индустрий, которые усиливали местные правительства и попытки децентрализованного государственного строительства, ослаблявшие двор Цин».

Создание местных налоговых баз сопровождалось восхождением военных

и политических вождей, которые по иронии судьбы «были первыми, кто разрушил препятствия конфуцианской исключительности и дал дорогу вызову со стороны Запада». Ещё более иронично, что западное оружие в Китае начали использовать тайпины. Вэй Юань прямо поставил вопрос о современной военной промышленности. Ли Хунчжан впервые использовал концепцию «гуанду шанбань» (предприятие, коммерческое управление под бюрократическим надзором), чтобы стимулировать промышленное развитие. Во время второй фазы Движения за самоусиление с 1872 по 1894 год «начальники-реформисты» во главе регионов Янцзы, Жемчужной реки и Пекина – Тяньцзиня заложили производственные основы военной промышленности. На всём этом крест поставила японо-китайская война. Однако сохранялись тропинки для последующих воплощений политики “открытых дверей”.

Чжэн и новое открытие

Диалектика “открытых дверей” между внешними коллизиями, внутренней динамикой и политико-институциональными механизмами будет трансформироваться в ходе капиталистического развития: «второе открытие» было задумано Дэн Сяопином более чем через столетие после первого, навязанного державами, а сегодня происходит, если использовать терминологию Чжэна, «третье открытие», вызванное империалистическим созреванием Китая.

Империалистическое открытие подтверждает расчёт на то, чтобы завоевание китайского рынка старыми державами не могло не приносить выгоду крупным группам Поднебесной, как это можно было проследить по выигрышной тактике автомобильных компаний, принятой на вооружение в 1980-е годы. Открытие обуславливает политические течения метрополий через появление в Европе, Японии и Америке “китайских партий”, заинтересованных в рынке Поднебесной. Но эти же самые течения реагируют на восхождение Дракона по мере того, как «второе открытие» перекрашивается в «третье» и Пекин требует “открытых дверей” на мировых рынках.

С одной стороны, это происходит в конвергенции с глобалистскими течениями в старых метрополиях и с “развивающимися” державами, заинтересованными в продолжении своего восхождения, с другой – это неизбежно происходит в рамках конкуренции. Диверсификация китайского рынка перерастает в конкуренцию на других рынках, в сражение за инвестиции в производственные цепочки и сырьё. Отметим, что как раз политические течения Гуандуна – наиболее динамичного выражения суперпровинций, согласно мысли Чжэн Юнъяня – регистрируют изменения, хотя и через новый импульс к политике “открытых дверей”. На страницах 21st Century Business Herald из Гуанчжоу Чжэн пишет, что «одностороннее открытие» Китая может стать инструментом по созданию «общего рынка» между Китаем и Юго-Восточной Азией.

Сторонники открытия из провинции Гуандун

Гуандунский институт международных стратегий в 2020 году опубликовал книгу “ЕС и глобальное управление”.

Читаем: Европа может предложить «альтернативные» американским решения, чтобы заполнить «дефицит [глобального] управления», то есть «нехватки представительства незападных стран» в международной системе, составленной из старых держав. С точки зрения этого анализа, «в отличие от традиционных держав» «нормативная держава» – Евросоюз является «генетически многосторонней»: «[ЕС] стал важной силой в поддержании стабильности многостороннего мирового порядка наравне с Китаем». Пекин должен «систематически оценивать европейские концепции и практики, чтобы привнести мудрость и опыт в китайский подход к глобальному управлению».

Генеральный секретарь института Ли Цин пишет в книге “Глобальное экономическое управление и иностранные инвестиции в Китай” (Пекин, 2022): Китай представляет восходящие страны, но имеет с Европой, Японией и Кореей общий интерес в защите многосторонности от «американского протекционизма». Например, он искал сближения с ЕС в установлении системы разрешения противоречий по поводу Шёлкового пути. Тем не менее с 2017 года реакция старых держав на китайские внешние инвестиции затронула и ЕС. С точки зрения автора, «пик» Шёлкового пути в 2016 году со 196 млрд долларов китайских инвестиций заключал в себе также «иррациональный» компонент, на который Пекин ответил ужесточением регуляции, однако это совпало с американской, немецкой и японской реакциями. Ужесточение позиции Токио в отношении Шёлкового пути является показательным, поскольку японская позиция изменилась от «сопротивления» к «ожиданию», а затем «участию» с конвергенцией на «других рынках» первого “Японо-китайского форума по сотрудничеству на рынках третьих стран”, прошедшего в 2018 году. Результатом тех попыток сближения с Европой и Японией на сегодняшний день стала возросшая конкуренция в Азии.

Чжан и более централистукий Шанхай

С точки зрения Чжан Вэйвэя, епископа китайской исключительности из шанхайского Университета Фудань, в этом нет ничего удивительного. «Чтобы перевернуть мир, достаточно одного только восхождения дельты Янцзы», где в Шанхае, Цзянсу, Чжэцзяне и Анхое проживают 236 млн человек. Однако если в отношении «национальной стратегии» суперпровинции Пекина, Шанхая и Гуанчжоу имеют свои особенные подходы, то в том, что касается «международного соперничества», примат в принятии решений должен принадлежать центру в Пекине. Отсюда три руководящие центральные группы, сформированные в 2018 году тогдашним вице-премьером Хань Чжэном, который раньше был секретарём Шанхая, а сегодня является заместителем председателя КНР: Beijing-Tianjin-Hebei joint development group, Central leading group for the development of the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area и Central leading group for promoting integrated development of the Yangtze River Delta.

История научила Пекин необходимости управлять отношениями с другими державами.

Солнце и буря

С наступлением летнего сезона предприниматели, работающие в сфере туризма, начинают сетовать не на недостаток отдыхающих, а на нехватку персонала.

Нехватка рабочей силы и низкие зарплаты

Глава министерства туризма даёт два объяснения этому явлению: первое – во время ковидного локдауна многие работники перешли в другие отрасли и теперь не хотят возвращаться; второе – напев «фактор дохода за гражданство», который удерживает людей от работы. При ближайшем рассмотрении это два самообвинения: если новое место работы лучше прежнего и, главное, если «доходный» чек настолько конкурентоспособен с обещанной зарплатой, то всё это говорит о том, каков уровень заработной платы в туристическом секторе.

На основании этого «исследования» Даниэла Сантанчи делает предложение: «Удвоить зарплату тем, кто работает ночью или в праздники» (*Il Sole – 24 Ore*, 27 мая). Разумеется, это повышение не ляжет на плечи предпринимателей, а будет получено за счёт «специальных форм сокращения взносов на социальное страхование», т. е. будет оплачено за счёт налогов работников. Мы остановились на туристическом секторе, поскольку он является симптоматичным для более широкой ситуации. Исследование, European Trade Union Confederation (ETUC) в 22 странах континента, показало, что в тех видах деятельности, где «существуют наибольшие трудности с наймом работников, оплата труда в среднем на 9 % ниже, чем в тех, которые менее подвержены дефициту рабочей силы». В Италии этот разрыв увеличивается до 23 %, более 4 евро в час, что является самым высоким показателем среди всех стран, участвовавших в исследовании.

Проблема заработной платы и нехватки рабочей силы вошла в последние по времени публикации «Окончательные соображения» управляющего Bankitalia Игнацио Виско, который включил её в рамки стратегических измерений, поскольку она связана с демографическими тенденциями, которые будут характерны для ближайших лет и десятилетий.

Рецепт Bankitalia

Вот ретроспективная оценка «реформ» последних лет: «Пределы гибкости, введённые на рынке труда, не сопровождались технологическими инвестициями, адекватными новым условиям», в результате чего рост почасовой заработной платы «за вычетом инфляции был одним из самых слабых в Европе». Если «гибкость» – это жертва, которую потребовали от работников для оживления экономики, то баланс удручающий, и не по вине пролетариата. Напротив, среди причин указывается «распределение предприятий по размерам, которое остаётся несбалансированным в сторону малых и очень малых предприятий, находящихся в семейной собственности и управлении», причём эта проблема обостряется «в строительстве и в некоторых отраслях услуг», среди которых упоминается именно гостиничный и государственный сектор.

Далее приводится анализ условий труда: доля тех, кто зарабатывает менее 60 % от медианной зарплаты, выросла до 30 %

с 25 % в конце века; временная и неполная занятость, а также нетипичные формы снизили доходы и увеличили нестабильность, особенно для молодёжи. Всё это, как отмечалось, заложено в демографических перспективах: всего за три года, начиная с 2019 года, население трудоспособного возраста (15–64 года) сократилось на 800 тыс. человек, а к 2040 году его не будет хватать более чем на 6 млн человек. Поиск путей исправления этих недостатков идёт по знакомому пути: повышение пенсионного возраста, увеличение уровня активности молодёжи и женщин. Но в конечном итоге узел не может быть распутан: «увеличение миграционного сальдо»; в том числе и потому, что «восстановление рождаемости, каким бы желательным оно ни было, увеличит предложение труда лишь в очень долгосрочной перспективе».

Трагическая сторона

Таким образом, сам Bankitalia связывает проблему нехватки рабочей силы с иммиграцией. Замкнутый круг, который хочет быть благотворным для экономического развития и, безусловно, способствует укреплению класса наёмных работников. Но в то же время он имеет и свою трагическую сторону, на которую мы неоднократно указывали и которая теперь получила официальное подтверждение INAIL, института страхования от несчастных случаев на производстве. В заметке от 15 мая анализируется именно положение иностранных рабочих: 2,3 млн человек, часто «находящихся в условиях нерегулярности, неопределённости и [...] с более низкой средней заработной платой, чем у их коллег», что мы называем «сегрегацией заработной платы». Две трети из них – «разнорабочие, батраки, официанты, носильщики, транспортники, уборщики». Из конкретных данных INAIL следует, что в 2021 году число несчастных случаев с иностранными работниками увеличилось на 3,1 % при общем снижении на 1,4 %. Заявления о профессиональных заболеваниях выросли на 31,6 %, причём более трети из них пришлось на обрабатывающие производства.

Идеология и необходимость

Европейская империалистическая политика в отношении иммиграции является очевидной необходимостью на всём континенте, выходящей за рамки того, что допускает нынешняя идеология. Два показательных примера.

В Венгрии 3 мая были приняты два одновременных решения. Парламент подавляющим большинством голосов заявил: «Мы не хотим становиться страной иммиграции». В то же время правительство представило законопроект о «найме рабочих-гостей» (терминология, заимствованная у немецкого слова *Gastarbeiter*) для облегчения их въезда. *Le Monde* (23 мая) напоминала, что в марте премьер-министр Виктор Орбан заявил: «Через год-два Венгрии понадобится 500 тысяч новых рабочих».

Второй случай касается Великобритании: всё та же *Le Monde* пишет (27 мая), что через семь лет после референдума 2016 года, который санкционировал выход из ЕС, в том числе и как реакцию на иммиграцию, миграционный баланс удвоился – с 335 до 606 тыс.

О Рыцаре Берлускони говорили, что у него «солнце в кармане». Он пытался привнести в политику голубое небо своих изобретений в сфере недвижимости, телевидения и футбольных команд. Оптимизм, подогретый в 1980-е годы социальной подвижностью, связанной с миром малых и средних предприятий, которым он, крупный буржуа, одетый в образ *self-made man* (человек, добившийся успеха своими собственными силами), продавал свою телерекламу, и которым он теперь, в 1994 году, предложил себя в качестве политического централизатора. В то же самое время создавая прикрытие для своих компаний.

Уже 1990-е годы в Италии изменились по сравнению с 1980-ми. Политика Берлускони обвиняли в том, что он не сдержал своего либерального обещания, но либеральной революции на самом деле никто не хотел. Большие социальные перемены 80-х годов привели к росту бизнеса, но также и к разбуханию бюрократии; налоговая безнаказанность на Севере сочеталась с государственным клиентелизмом на Юге, и всё это финансировалось за счёт отмыывания долгов на той же самой отмени государственных облигаций. Это была средиземноморская реструктуризация. Взяткоград был выдан за бунт так называемого гражданского общества против этатизма этой политической системы, в действительности же всё было наоборот. Если в 1992 году заказы единого рынка открыли дорогу судам вплоть до нарушения равновесия между властями, то колоссальное массовое приспособленчество оставило старые партии, поскольку они больше не могли гарантировать этот социальный компромисс, оплачиваемый в долг, непосильный теперь, когда ЕС двигался к евро. Действительно, как только были уничтожены старые партии, именно против Европы стали разворачиваться антиполитические настроения. «Вперёд, Италия!» Сильвио Берлускони вписалась в вакуум, образовавшийся после распада ХД и ИСП, но природа этого статус-кво объясняет, почему в отношении Европы Рыцарь никогда не попадал в точку.

2000-е годы, с кризисом 2008 года, прошли полный круг. Исчезла иллюзия, что прилив поднимает все лодки; кризисы на рынках, Китай на горизонте, демографическая зима и влияние миграции потрясли коллективную психологию. Время Рыцаря закончилось; демагогия страха оказалась на руку его союзникам-конкурентам по коалиции – сначала Лиге, а затем «Братьям Италии». Но если на смену мировому шторму придёт солнце, то только континентальный масштаб сможет противостоять бурям следующего десятилетия. Всё та же Европа, но Европа-крепость – таков будет тест для политических наследников берлусконизма. Революционная оппозиция европейскому империализму остаётся нашим компасом.

человек. Правда, число прибывающих из европейских стран за этот период сократилось, но зато выросло число прибывающих из стран, не входящих в ЕС: в 2022 году было выдано 235 тыс. рабочих виз. В конце концов, в Британии имеется не менее миллиона вакансий, и в таких отраслях, как сельское хозяйство и здравоохранение, роль иммигрантов крайне важна. Однако политические силы не спешат адаптироваться: даже лейбористы, находящиеся в оппозиции, пишет *Le Monde*, выступают за снижение чистой миграции, «чтобы не расстраивать народный и брекситский электорат, разочаровавший их на выборах 2019 года». Вирус парламентаризма распространился на все широты. В заключение статьи приводится цитата Роберта Форда, политолога из Манчестерского университета: «Политические партии, похоже, отстают от общественного мнения, чьё отношение к миграционному вопросу изменилось после Брексита. Оно признаёт положительный вклад иностранцев в здравоохранение и сектор персонального ухода».

Взгляд в будущее

Повсеместно наблюдается шизофреническое поведение по этому во-

просу: желание «больше мигрантов, меньше иммиграции», как резюмирует *The Economist* (27 мая). Не обошлось и без доли цинизма. Например, в Германии экономическая газета *Handelsblatt* (15 мая) желает развенчать опасность того, что не будет возможности выплачивать пенсии: этого не произойдёт, пока будут приезжать рабочие-иммигранты! Однако если логика такова, то следует опасаться возможного поворота событий. Документ Фонда Ди Витторио при CGIL, посвящённый демографии и миграции, фиксирует неизбежное: иммигранты тоже стареют. В Италии с 2010 по 2022 год число иностранцев в возрасте 50–64 лет увеличилось с 374 до 909 тыс. человек, с 9,7 до 18 % от общего числа.

Только политика, отмеченная солидарностью и классовым единством, обладает стратегическим дыханием, чтобы охватить такие масштабные процессы, не будучи обусловленной ситуационной выгодой и ориентируясь на перспективу интернационалистической борьбы за высшую общественную форму.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

Гуджарат – лаборатория индусского национализма

В декабре прошлого года БДП в седьмой раз подряд победила на выборах в законодательное собрание штата Гуджарат. Это один из самых промышленно развитых штатов на субконтиненте: Нарендра Моди управлял им в качестве главного министра с 2001 года до своего назначения на пост премьера в 2014 году. *The Economist* рассматривает его как модель, которую БДП распространила на всю Индию: смесь индусского шовинизма и проектов развития, история больших успехов с множеством отравленных плодов.

По мнению Кристофа Жафрело, специалиста по Южной Азии из парижского Центра международных исследований (CERI), эта безоговорочная победа, а также победы, одержанные начиная с 2014 года в западных и северных штатах, представляют собой не просто модель: это лаборатория, в которой экспериментируют с «культурным национализмом», ведущим к централизации федеральной структуры Индии. Модии якобы трансформирует структуру управления из «квазифедерализма» в «национальный федерализм» – этот подход несколько противоречит либеристскому принципу, обеспечивавшему экономическое усиление штатов. Фактически, именно после либерализации 1991 года и навязывания условий со стороны Международного валютного фонда штаты получили возможность привлекать прямые иностранные инвестиции и договариваться о кредитах без контроля Нью-Дели.

С 2017 года БДП одержала победы только в двух крупных штатах. Многие избиратели, голосовавшие за неё на всеобщих выборах в Лок Сабху, на региональных выборах предпочли другие партии: Джафрело полагает, что федерализм сохраняет прочное укоренение в индийской политике.

БДП расширяет социальную и региональную базу

О политическом и экономическом значении Гуджарата мы неоднократно говорили на страницах нашей газеты («Гуджарат возрождает индусский национализм», декабрь 2005 г., «Нью-Дели между неравномерным развитием и политической неразберихой», октябрь 2013 г., «Федерализм и «электоральная карусель» в Нью-Дели», апрель 2014 г.). Мы обращаем внимание некоторые аспекты данного вопроса, переводя их в плоскость политической и экономической актуальности.

Штат Гуджарат с населением 60 млн человек занимает девятое место по численности населения; 43 % проживает в городах (это один из самых урбанизированных штатов), почти 10 % – мусульмане. В избирательном плане он разделён на 182 округа, 73 из которых – городские, с 49 млн избирателей. На последних выборах явка составила 64 % (на предыдущих в 2017 году – 69 %). В них принимали участие три основных политических силы: впервые к БДП и Конгрессу (ИНК) присоединилась партия Ам Адми Парти (ААП, «Партия простого человека»). Многие СМИ ждали от последней хорошего результата, ИНК в смятении, и победы БДП без существенного преимущества, обусловленной главным образом расколом в оппозиции. Однако после почти трёх десятилетий пребывания у власти БДП удалось по-

лучить 156 мест, набрав 53 % голосов (в 2017 году она получила 99 мест и 49 %): подобное удавалось только ИНК в 1985 году. БДП подтвердило своё лидерство в городах (67 мест по сравнению с 56 в 2017 году) и во всех пяти регионах штата. ИНК ухудшил свой результат до 17 мест с 27 % голосов и потерял все крупные города: в 2017 году с 41 % ему удалось завоевать 77 мест и победить в регионах Сораштра-Кутч и Северный Гуджарат. ААП получила 13 % и 5 мест в сельских районах: она становится второй по величине партией в племенном поясе, подрывая позиции ИНК.

Оппозиция получила всего 40 %: меньше, чем в 2017 году ИНК набрал в отдельности. ААП утешает себя тем, что стала девятой национальной партией, укоренившись в четырёх штатах (она управляет Дели и Пенджабом и получила более 6 % в Гоа и Гуджарате), но демонстрирует ограниченность своих заявленных претензий на национальное лидерство. В законодательное собрание прошёл только один кандидат-мусульманин: это самый низкий показатель за всю историю. ИНК представил шесть кандидатов-мусульман, один из которых победил, ААП – три, а БДП – ни одного. Тем не менее партия Модии победила с большим отрывом в 13 из 17 округов со значительным присутствием мусульман, даже в тех, которые считаются бастионами Конгресса и где мусульмане составляют большинство.

Пёстрая коалиция каст, коммерсантов и кооперативов

Варгезе К. Джордж, обозреватель газеты *The Hindu*, отмечает, что лидеры враждующих между собой общин перешли из ИНК в БДП: в прошлом именно ИНК удавалось объединить под своей крышей противоборствующие группы интересов. Сегодня эту роль играет БДП.

В качестве примера можно привести высокую касту *пателей* в штате Гуджарат: они доминируют в таких секторах, как образование, недвижимость, молочные кооперативы, производство и переработка хлопка. Одно из их требований – юридическое признание их касты «прочим отсталым классом» (ОВС): для данной категории зарезервировано 27 % мест в государственных учреждениях и среди студентов университетов. Учитывая сопротивление со стороны БДП, многие из них в 2017 году перешли на сторону ИНК. И напротив, *тхакуры* – каста, состоящая в основном из самозанятых и относящаяся к ОВС которая традиционно была банком голосов ИНК, выступила против притязаний *пателей*.

До прихода Модии БДП была партией *пателей*. Затем она предложила и недавно ввела новую 10 %-ную квоту для «экономически более слабых слоёв населения» (EWS) независимо от кастовой принадлежности: она исключает тех, кто пользуется другими квотами (ОВС – 27 %, далиты – 15 %, племена – 7 %), и распространяется на другие высокие или средние касты с низкими доходами. Большинство из 21 депутата, перешедших из Конгресса в БДП, являются *пателями* и *тхакурами*, что указывает на то, что партии удалось перехватить голоса у обеих общин.

В южном Гуджарате *патели* управляют хлопководством и переработкой хлопка: в 2017 году оплот БДП спас Арун

Джейтли, бывший тогда министром финансов, который изменил GST (налог на товары и услуги, аналогичный НДС) в соответствии с требованиями Ассоциации федерации текстильных торговцев Сурата (FOSTTA), объединяющей более 65 тысяч торговцев. И сегодня правительство предпринимает меры по смягчению кризиса в отрасли: лишь в некоторых районах ААП удалось воспользоваться плодами недовольства.

Согласно Жафрело, в Гуджарате БДП удалось привлечь избирателей в равной степени из всех социальных групп: роль касты в объяснении характера голосования стала ещё более размытой. Заметим, что это произошло несмотря на априорно неблагоприятные обстоятельства: большинство социальных показателей не улучшилось (штат занимает 29-е место из 30 по доле детей с пониженным весом – до 39,7 % – и 21-е место по охвату детей начальным школьным образованием). Касты по-прежнему играют роль в исполнительной власти: все министры принадлежат к высоким кастам. Даже недавно избранные председатель и заместитель председателя законодательного собрания – *патели*: они управляют двумя крупными молочными кооперативами.

Смена поколений среди лидеров БДП

Амит Шах, министр внутренних дел, начал работать с Модии в 1987 году, когда в штате доминировали Конгресс и Джаната Дал. В своей недавней книге он рассказывает, что Модии, тогда партийный секретарь по организационным вопросам в Гуджарате, попросил его обратиться ко всем кандидатам, занявшим второе место на выборах, предложив им вступить в БДП. По мнению Шаха, именно так Модии создал организацию БДП в Гуджарате.

Эти выборы были также ознаменованы масштабной сменой поколений, которая началась ещё год назад с большой ротации в рядах предыдущего правительства: Модии лично попросил наиболее пожилых лидеров уйти в отставку.

Вроли главного министра утверждён Бхупендра Патель, сумевший побить рекорд по количеству голосов, поставленный Модии в 2002 году. В 2021 году он сменил на посту Виджая Рупани, депутата парламента от Сораштры, который сейчас является ответственным за Пенджаб в национальном руководстве БДП. 60-летний инженер, с юности связанный с крайне правой индуистской националистической организацией РСС, Патель в течение 25 лет работал в сфере недвижимости. Свою политическую карьеру он начал в середине 1990-х годах в муниципальных органах Ахмадабада. С 2017 года он является депутатом законодательного собрания от округа Ахмадабад. Известен как «молчаливый мастер решения проблем» БДП в Гуджарате. Последователь движения, вдохновлённого джайнизмом, он считается лицом умеренной БДП. Это не помешало его правительству незадолго до выборов освободить 11 заключённых, приговоренных к пожизненному заключению за изнасилования и убийства, совершённые во время погромов против мусульман в 2002 году, или мириться с публичной поркой молодых мусульман полицией.

Патель также сохранил за собой портфель министра городского развития. Министерства финансов, внутренних дел и промышленности штата были переданы соответственно Канубхай Десаи (71 год, аграрная семья, избран в южном Гуджарате), Харша Сангхави (38 лет, избран в южном Гуджарате, семья занимается торговлей алмазами, бывший национальный вице-президент молодёжной организации БДП и министр внутренних дел в предыдущем правительстве Пателя) и Балванцин Раджпут (60 лет, бывший депутат парламента, избран в северном Гуджарате, владелец агропромышленной группы Gokul Group в Ахмадабаде, 470-е место в рейтинге Fortune «India 500» в 2022 году).

Крупные инвестиционные проекты и напряжённые отношения с Махараштрой

За несколько месяцев до выборов в Гуджарате было подписано несколько крупных инвестиционных соглашений, которые первоначально предназначались для Махараштры. По мнению представителей БДП, это были независимые решения инвесторов, однако в Махараштре оппозиция в лице ИНК и Националистического конгресса (НСП) обвиняет коалиционное правительство БДП в предательстве интересов маратхов.

Среди таких проектов – завод по производству микросхем совместного предприятия индийской горнодобывающей группы Vedanta и тайваньской Foxconn (первоначальные инвестиции – 2 миллиарда долларов, в течение нескольких лет планируется вложить ещё 20 миллиардов) и проект по производству военно-транспортных самолетов Airbus C295 консорциума Airbus и Tata (инвестиции – 2,5 млрд).

Несмотря на то, что эти трения могут быть частью исторического соперничества между гуджаратцами и маратхами, газеты юга Индии опасаются нарушений в функционировании федерализма: Центр имеет право выдавать лицензии, но он не должен направлять инвестиции по своему усмотрению. П. Чидамбарам, лидер ИНК в Тамилнаде, подхватывает эти аргументы и атакует БДП. Если бы остальная Индия последовала модели Гуджарата, то можно было бы избавиться от правительств штатов, и штаты лишились бы всей своей власти, утверждает он: такой модели следует избегать. Подобное столкновение возвращает нас к историческим дилеммам индийского федерализма.

Гуджарат – специальная экономическая зона Индии

Для премьер-министра Индии Нарендры Моди «Гуджарат – это специальная экономическая зона Индии». Чтобы понять суть этого утверждения, Двиджendra Трипатхи, считающийся отцом истории индийского бизнеса, описывает экономическую историю штата в статье на страницах *The Economic Times*.

Гуджарат, исходя из свидетельств греческих, римских и арабских гостей, всегда был ориентирован на внешний мир: торговые гильдии существовали со времён Будды до конца XIX века. Благодаря протяжённой береговой линии здесь, до возникновения в середине XVIII века Бомбея – нынешнего Мумбаи (штат Махараштра), всегда находились важнейшие порты региона.

Гуджаратские купцы приносили доходы могольским императорам, английским торговцам и княжествам Британской Индии, но держались в стороне от промышленных предприятий: родины же современного производства в Индии стал Бомбей, где в 1854 году появилась первая хлопчатобумажная фабрика. Однако вскоре Ахмадабад (штат Гуджарат) наверстал упущенное: в 1925 году здесь располагались 72 текстильные фабрики, включая крупнейшую в стране Calico Mills.

От Амбани в Бомбее до Адани в Гуджарате

По мнению Трипатхи, до обретения независимости в 1947 году эти промышленники не осваивали другие отрасли, как это происходило в других частях страны, в частности, производство сахара и цемента: среди причин автор называет тот факт, что эти предприниматели происходили из купеческих семей. Гуджаратцы, работавшие в Бомбее, напротив, были гораздо более агрессивны в своих планах расширения деятельности: среди них наиболее известен Дхираджал Амбани, основавший в начале 1960-х годов компанию Reliance Industries, которая сегодня является ведущим индийским концерном по годовому обороту, составляющему 100 млрд долл., и имеет 350 тыс. сотрудников.

Текстильный кризис, начавшийся после обретения независимости, привёл к тому, что большинство прежних семей владельцев покинуло отрасль. С 1950-х годов начинает расти новый слой предпринимателей: фармацевтические компании, такие как Cadila, одним из основателей которой в 1951 году был Индравадан Моди, сегодня насчитывающая 8 тыс. сотрудников и располагающая оборотом в 280 млн долларов, компания Torgent, основанная У.Н. Мехтой в 1959 году (эта группа сегодня занимается фармацевтикой и производством энергии) с 75 тыс. сотрудников и оборотом более миллиарда долларов, а также химические компании, к примеру, Nirma Chemical Works, основанная в 1969 году Карсанбхаем Пателем, с 18 тыс. сотрудников и оборотом 850 млн долларов.

Эти и другие группы, возникшие позднее, с либерализацией 1990-х годов вновь стали смотреть в сторону внешнего мира. Наиболее известной из них является Adani Group, основанная в 1988 году Гаутамом Адани и работающая в основном в сфере инфраструктуры портов и аэропортов, с 23 тыс. сотрудников и оборотом 23 млрд долларов.

Промышленная и банковская концентрация

По данным Центра мониторинга индийской экономики, в 2020–2021 годах штат Гуджарат был вторым по величине ВВП, обеспечивая почти 10 % от общена-

ционального объёма, и первым по валовой добавленной стоимости в промышленности (ВВП за вычетом косвенных налогов), что соответствует почти 20 % от показателя для всей Индии. В последние десять лет здесь наблюдаются самые высокие темпы роста ВВП – более 8 %, и на долю одного этого штата приходится четверть индийского экспорта. Гуджарат является ведущим национальным производителем нефтехимической продукции (более 60 %), фармацевтической продукции (33), джинсовой ткани (65) и плитки (92, более 6 % мирового производства). Порты штата, как частные, так и государственные, обслуживают около 40 % индийского грузопотока: Мундра и Кандла являются одними из крупнейших торговых портов Индии.

Промышленный сектор насчитывает около 603 тыс. микро-, малых и средних предприятий, на которых занято около 4 млн человек. Однако 90 % промышленного производства штата приходится на 13 крупных групп. По данным Департамента содействия развитию промышленности и внутренней торговли, за последние три года в Гуджарат из-за рублика было инвестировано 30 млрд долларов по сравнению с 50 млрд за последние два десятилетия: здесь работают как национальные компании, такие как Reliance Industries, Suzlon, Aditya Birla Group и Videocon, так и иностранные, среди которых англо-австралийская Rio Tinto, японская Suzuki и китайские China Light and Power (Гонконг) и MG Motor.

Размеры финансового сектора соответствуют его истории и экономическому статусу: три из десяти крупнейших банков Индии по размеру активов имеют корни в Гуджарате (*Fortune India 500*, 2022). Крупнейший из них – частный ICICI Bank, основанный в 1994 году в Вадода: это третий по величине банк Индии со 100 тыс. сотрудников и 220 млрд активов. ICICI представлен во многих индийских штатах и 17 странах мира, имеет филиалы в Сингапуре, Гонконге, Шанхае и Европе; недавно он перенёс свой юридический адрес из Вадода (штат Гуджарат) в Мумбаи (штат Махараштра).

Второй – государственный Bank of Baroda, основанный в 1908 году в Вадода, тогда – княжестве Барода: это шестой по величине банк Индии (четвёртый среди государственных) с 80 тыс. сотрудников и 165 млрд активов; представлен в 24 странах, с 1950-х годов работает в Африке и имеет филиалы в Гонконге и Гуанчжоу. Аналогичный по размеру частный Axis Bank, основанный в 1993 году в Ахмадабаде при участии Манмохана Сингха, экс-министра финансов, занимает седьмое место в Индии (80 тыс. сотрудников, 150 млрд активов), представлен в девяти странах, располагая филиалами в Сингапуре, Гонконге и Шанхае.

СЭЗ как финансовый офшор Индии

Впервые предложение о создании узла для проведения финансовых операций с участием индийских контрагентов, которые в основном осуществлялись в Дубае, на Маврикии или в Сингапуре, было выдвинуто в 2007 году правительством Объединённого прогрессивного альянса, коалиции, возглавляемой Конгрессом: в качестве такого узла был назван Мумбаи. Однако в 2008 году Моди объявил о намерении создать глобальный финансовый центр в штате Гуджарат. В национальном бюджете на 2015–2016 год финансовый год министр

финансов Арун Джейтли подхватил эту идею, включив в него GIFT City (Gujarat International Finance Tec-City) и отказавшись от выбора в пользу Мумбаи.

Сегодня между Гандинагаром и Ахмадабадом, административной и торговой столицами штата Гуджарат, формируется «финансовая специальная экономическая зона», в которой работают более десяти тысяч человек: здесь находится первая в Индии международная биржа золотых слитков, а также офисы компаний, управляющих фондовыми биржами в Мумбаи – Национальной фондовой биржей Индии (NSE) и Бомбейской фондовой биржей (BSE). Кроме того, здесь работают Сингапурская фондовая биржа и около 20 банков: индийские State Bank of India, HDFC Bank и Kotak Mahindra Bank, немецкий Deutsche Bank AG, британские Standard Chartered и Barclays Bank, американские JPMorgan Chase Bank, Bank of America и Citibank NA, японский MUFG Bank и англо-китайский HSBC (Hongkong & Shanghai Bank Corporation Ltd). К ним присоединится Новый банк развития БРИКС со штаб-квартирой в Шанхае, когда он откроет своё региональное представительство в Индии.

GIFT подписал меморандум о взаимопонимании с регулирующими органами Сингапура, Люксембурга, Катара и Швеции. Этот финансовый центр задуман как ворота для трансграничных потоков: по словам представителя MUFG Bank, благодаря офшорному статусу GIFT не будут действовать законодательные ограничения на кредитование в размере 20 % от находящегося в стране капитала, что позволит увеличить объём средств, предоставляемых в кредит индийским компаниям.

Открытость между Гуджаратом и Гуандуном

За последнее десятилетие между Гуджаратом и Китаем сложились многочисленны политические связи, которые поддерживались как Моди, так и его преемниками на посту главы штата. В 2014 году был подписан меморандум о взаимопонимании между городами Ахмадабад и Гуанчжоу, а также между штатом Гуджарат и китайской провинцией Гуандун.

В 2015 году делегация предпринимателей во главе с Анандибен Патель, занимавшей пост главного министра штата, обсудила институциональные связи между Конфедерацией индийской промышленности (CII), Китайской ассоциацией малых и средних предприятий (CASME) и Китайским советом по развитию международной торговли (CCPIT). Паримал Натвани из Reliance Industries охарактеризовала его как «плодотворный и конструктивный визит». Такая же атмосфера царил на конференции по торгово-экономическому сотрудничеству «Китай – Индия – Гуджарат 2019», организованной совместно Министерством торговли Гуандуна, региональным советом Федерации индийских торгово-промышленных палат (FICCI) и Агентством по привлечению инвестиций Гуджарата. По сути, речь идёт о серии переговоров между индийским штатом, позиционирующим себя в качестве «специальной экономической зоны», и китайской провинцией, где зародились СЭЗ, ознаменовавшие период «открытости».

Китайско-индийские противоречия

По данным индийского филиала Института Брукинга, китайские компании

инвестировали в Гуджарат значительные средства в энергетическом, сталелитейном и автомобилестроительном секторах. Однако после пограничных столкновений в 2020 году атмосфера изменилась, и Конгресс не преминул атаковать Моди и указать на Гуджарат как на «эпицентр китайских инвестиций в Индии».

Так, компания MG Motor India, принадлежащая китайской SAIC Motor, в 2017 году приобрела завод General Motors мощностью 125 тыс. автомобилей в год и планировала его расширение. Однако инвестиции были заблокированы правительством, несмотря на то что предприятие продолжает работать, а компания наряду с другими присутствует на выставке Auto Expo 2023, проходящей недалеко от Дели.

Пока же Гуджарат надеется извлечь выгоду из стратегии диверсификации цепочек поставок «Китай плюс один», которую проводят старые державы, а предприниматели принимают к возможности увеличить экспорт. Ахмадабадское издание *The Times of India* опубликовало статью под заголовком «Выход Дракона». Проигрыш Китая – выигрыш Гуджарата.

По данным Конфедерации индийской текстильной промышленности (CITI), с апреля по август 2022 года экспорт текстиля вырос на 17 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. Индийские производители, вероятно, выигрывают от ухода крупных европейских и американских брендов из Китая. Аналогичный тезис озвучивается и Ассоциацией керамики Морби, объясняя активное восстановление экономики после локдауна в 2020 году ростом экспорта, который в значительной степени уменьшил долю китайских производителей на рынке.

Торгово-промышленная палата штата Гуджарат (GCCCI), состоящая в основном из мелких предпринимателей, призывает оградить индийских производителей от глобальной экономической неопределённости: она поддерживает меры правительства по сокращению импорта и увеличению экспорта и призывает к дальнейшим мерам в рамках программы стимулирования производства (PLI). Даже в самом либеральном штате есть те, кто призывает к определённому дозировкам протекционизма.

Группа Адани в испытании индийской открытости

Financial Times называет Гаутама Адани «Рокфеллером Моди». Его группа является первым частным оператором портов и крупнейшим производителем энергии на тепловых электростанциях в Индии. За короткое время она стала одним из крупнейших частных операторов аэропортов и вторым по величине производителем цемента: она пережила быстрый подъём в капиталоемких секторах, сопровождаемый ростом акций, который был предметом зависти высокотехнологичных компаний. Это аппетитный кусок для Hindenburg Research, американской компании, специализирующейся на коротких продажах акций технологических компаний: её обвинения в «наглых манипуляциях с акциями и бухгалтерских махинациях» привели к тому, что индийская группа потеряла на фондовом рынке 145 миллиардов долларов капитализации.

Адани, наряду с Мукешем Амбани и другими, считается символом индийского развития, движущей силой которого являются семейные конгломераты. В одних интерпретациях это предстаёт демонстрацией индийской тенденции следовать российской модели, в других – корейской модели чеболей. Ашутос Варшни, профессор международных исследований и политологии в Университете Брауна, пишет в *Indian Express*, что между чеболями и группой Адани есть существенная разница: первые ориентированы на экспорт, вторые сосредоточены на государственном секторе и секторах, связанных с внутренним рынком.

Financial Times отмечает, что амбиции Индии стать экономическим противобесом Китаю зависят в том числе от доверия иностранных инвесторов. После того, как в прошлом десятилетии Индия обогнала Италию, Францию и Великобританию и стала пятой по величине экономикой мира, многие стали видеть в ней более безопасную альтернативу Китаю, учитывая напряжённые отношения между Пекином и Вашингтоном. Поэтому «репутация» Адани является проверкой открытости Индии для международного капитала. Деловой истеблишмент и индийские СМИ в основном сомкнули ряды, но, – согласно совету *Financial Times*, – высказаться следует и регулирующим органам.

Верховный суд Индии назначил комиссию по расследованию. По мнению Рохита Чандра из Индийского технологического института в Нью-Дели, иностранные инвесторы часто полагались на местные компании, считая, что только они способны ориентироваться в изменчивом нормативно-правовом и налоговом ландшафте Индии, но в отсутствие глубоких мер, возможно, потребуется ещё десятилетие, чтобы вернуть их доверие.

Группа Адани: порты, энергия и цемент

Чуть более 20 лет назад Адани был неизвестен. Джайн, сын торговца текстилем из Ахмадабада, самого густонаселённого города Гуджарата, он бросил учёбу, чтобы попытаться счастья сначала в торговле алмазами, а затем в торговле полимерами для производства пластмасс. В 1990-х годах в Гуджарате, где тогда правил Индийский национальный конгресс, он выиграл землю и права на управление портом Мундра. Позже он предложил свою поддержку главному министру Нарендре Моди.

После погромов 2002 года и убийства более тысячи человек, преимущественно

мусульман, Моди сторонились в индийских деловых кругах и за их пределами: почти десять лет США не выдавали ему въездную визу. Адани порвал с Конфедерацией индийской промышленности (CIP), сделал вклад в создание новой отраслевой организации и продвижение форума Vibrant Gujarat, своего рода «местного Давоса», который должен был представить Моди на мировой арене и закрепить его репутацию лидера, ориентированного на бизнес.

Сегодня, в возрасте 60 лет, индийский предприниматель возглавляет группу с более чем 20.000 сотрудников и оборотом в 25 миллиардов долларов. Adani Group управляет 13 портами, на которые приходится 25 % национального морского грузопотока, и 7 аэропортами, включая аэропорт Мумбаи; она хранит в своих силосных башнях 30 % индийского зерна, управляет пятой частью линий электропередач и после приобретения в прошлом году индийской дочерней компании швейцарской Holcim стала вторым по величине производителем цемента. Adani также планирует стать крупнейшей в Индии продовольственной компанией, а недавнее приобретение NDTV (New Delhi Television Ltd) направлено на создание индийской «Аль-Джазиры».

«Индийский Шёлковый путь»

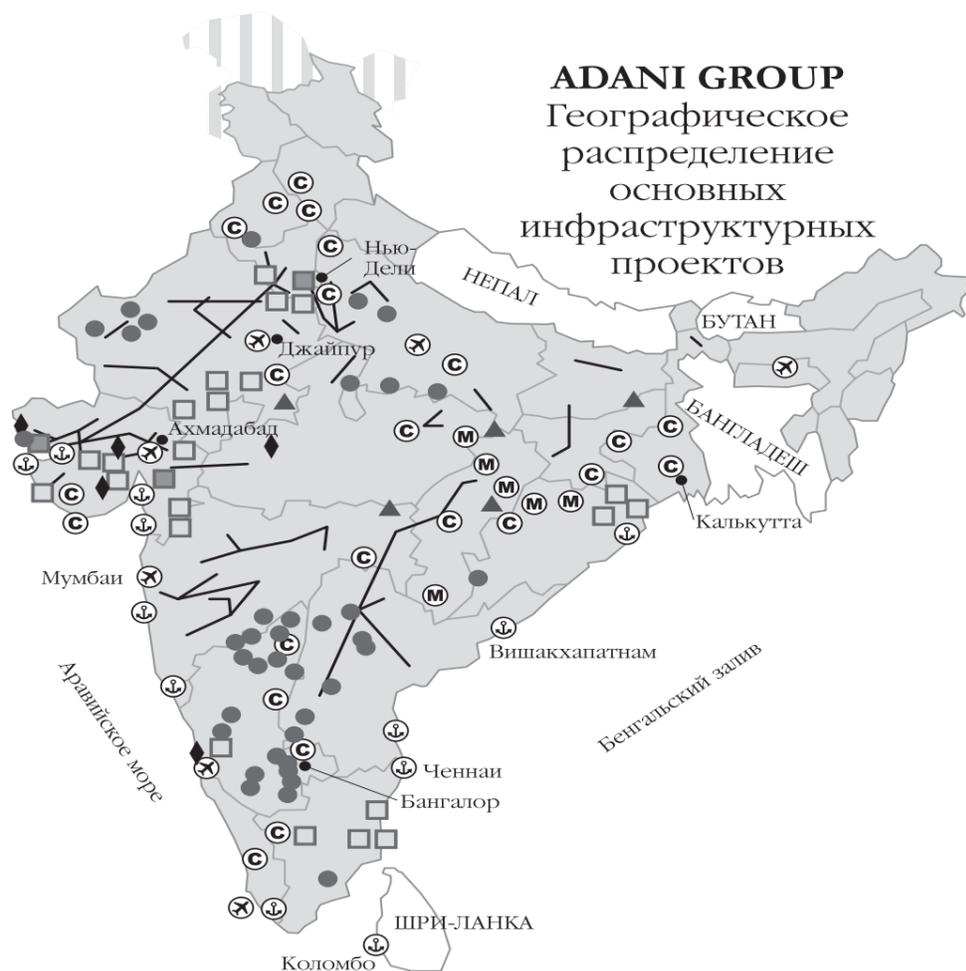
По мнению С. Раджа Мохана, Индия не обладает возможностями для экспансии, сопоставимыми с масштабами инициативы «Пояса и пути», «однако она делает в своей собственной сфере вещи, навязывающие некоторую конкуренцию Китаю». *Financial Times* отмечает, что Дели увеличил расходы на инфраструктуру в соседних странах. Хотя Индия значительно отстаёт от Китая в области зарубежного кредитования, в последние годы она предоставила более 30 миллиардов долларов США в виде кредитов соседним странам, в том числе находящимся в тяжёлом финансовом положении получателям займов в рамках китайского Шёлкового пути, таким как Шри-Ланка. Индийские компании также быстро развивают свою деятельность в регионе, уравнивая китайскую деловую активность.

Помимо государственных предприятий, правительство активно поощряет частные, в том числе Adani Group, реализующую проекты по строительству электросетей в Бангладеш, Бутане и Непале, а также нового терминала в порту Коломбо, Шри-Ланка. Группа имеет присутствие в Австралии, откуда она начала экспортировать уголь в Индию, приобрела концессию на порт Хайфа, второй по величине в Израиле, и объявила о намерении инвестировать в Танзанию.

«Расчётливая атака» или «благословение»?

В своём 413-страничном ответе на обвинения Adani Group утверждает, что отчёт Hindenburg Research был «расчётливой атакой на Индию». Р. Джаннатхан, редакционный директор «Свараджья», бангалорского журнала, лояльного БДП и называющего себя лагерем либеральных правых, опубликовал в *The Times of India* статью под заголовком «В кризисе Адани не хватает ума». По его мнению, чрезмерная реакция СМИ и партий, а также самого Адани может подорвать доверие иностранцев к бизнесменам на субконтиненте.

Центральный банк (RBI), напротив, действовал осторожно. Его управляю-

- ADANI GROUP**
Географическое распределение основных инфраструктурных проектов
- Ⓛ Порты
 - ✈ Аэропорты
 - Ⓜ Шахты
 - Ⓢ Цемент
 - ▲ Тепловые электростанции
 - ◆ Ветряные электростанции
 - Солнечные электростанции
 - Газ
 - ▣ Газ (проект)
 - / Линии электропередачи

Примечание: некоторые проекты находятся на стадии строительства или развития

Источник: *The Economist*.

щий Шактиканта Дас напомнил, что индийские банки выдают кредиты не на основе капитализации фондового рынка, а на основе фундаментальных показателей компании. SEBI (Индийская комиссия по ценным бумагам и биржам) же обвиняется в проведении безрезультатных расследований в отношении Adani в 2021 году.

Адам Туз из Колумбийского университета считает данную ситуацию серьёзным финансовым ударом для Индии. Конгресс, в свою очередь, вряд ли будет представлять угрозу. Тирада Рахула Ганди против БДП по поводу попустительства Адани противопоставляется молчанию региональных сатрапов: правительства основных штатов, возглавляемых оппозицией, поддержали проекты «Рокфеллера Моди».

По мнению С.А. Айяра, редактора-консультанта *The Economic Times*, в конечном итоге доклад Hindenburg вполне может стать «скрытым замаскированным благословением» для Adani и, прежде всего, для Индии: он замедлит скорость расширения группы и заставит её соблюдать финансовую дисциплину.

Индийские конгломераты

В *Business Standard* Т.Н. Нинан размышляет о росте и весе крупных многоотраслевых конгломератов. Мерилом для сравнения по-прежнему являются Южная Корея, Япония и Россия. Нинан рассматривает шесть крупнейших индийских групп: Tata, Reliance (Мукеш Амбани),

Adani, Vedanta (Анил Агарвал), Aditya Birla (Кумар Мангалам Бирла) и JSW (Саджан Джиндал). Вместе они потенциально составляют более трети новых инвестиций, запланированных частным сектором. Не все они, конечно, материализуются: ажиотаж на осуществляемые в долг инвестиции в годы правления Манмохана Сингха плохо закончился для таких предпринимателей, как Амбани, брата Руйя из Essar и бывших чемпионов штата Андхра-Прадеш (GMR, GVK и Lanco). По словам Нинана, среди всех этих компаний Адани выделяется своими неумеренными амбициями: амбиции других «национальных чемпионов» выглядят более бесцельными. Оборот этих шести крупных групп составляет около 11% ВВП Индии. По степени концентрации экономической власти Индия значительно отстаёт от Кореи и Японии.

Последние шаги Адани усиливают конкуренцию с Бирлой и Амбани. В поддержку Адани выступают эмиратские и катарские фонды, американские банки Goldman Sachs и Morgan Stanley и европейские BNP Paribas и Société Générale, State Bank of India, Punjab National Bank и частные банки IDFC First Bank и IndusInd Bank (Гуджарат); и, наконец, некоторые группы, такие как Bharti Enterprises (Сунил Миттал) и JSW (Джиндал). Таков первый частичный результат текущего испытания способности Индии открыться для международного капитала.

Газовые баллоны и iPhone на выборах в Карнатаке

В Карнатаке, одном из самых богатых штатов Индии, ИНК получил значительное большинство голосов. Эта важная победа, одержанная в преддверии всеобщих выборов 2024 года, успокаивает скептически настроенных союзников в жизнеспособности партии. БДП потеряла свой единственный штат на юге Индии: неудача была воспринята многими как подтверждение ограниченности предлагаемой ей смеси индуистского национализма и того, что Арвинд Субраманиан, главный экономический советник первого правительства Моди, называет «новым велфаризмом» – прямым субсидированием доходов.

Наиболее ярким аспектом предвыборных манифестов обеих партий является акцент на мерах социального обеспечения: длинный список, начиная от бесплатных поставок баллонов с газом для приготовления пищи и заканчивая увеличением квот на государственные рабочие места, зарезервированные за определёнными кастами или общинами. А.К. Бхаттачарья, директор редакции *Business Standard*, подчёркивает сохранение этих элементов политических программ даже в штате с самым высоким в стране доходом на душу населения и опасается, что они не покажут себя устойчивыми в долгосрочной перспективе.

«Дели идёт вперед, разрабатывает различные меры, но обнаруживает, что Бангалор не может превратиться в Кантон», – писали мы в 2004 году вскоре после падения правительства БДП, в связи с неприятием сельскими жителями её лозунга «Сияющая Индия» и сильным регионализмом. Глядя на манифесты сегодня, не кажется, что прошло почти 20 лет.

Третий по возрасту штат Индии

Карнатака с почти 70 млн жителей (около 13 % – мусульмане) занимает третье место по величине экономики после Махараштры и Тамилнада. В период с 2011–2012 по 2021–2022 годы темпы роста ВВП здесь составляли в среднем 13 %.

Благодаря сильному удельному весу IT-услуг этот штат является одним из наименее пострадавших с точки зрения ВВП во время пандемии. В целом на долю услуг приходится 65 % производства, промышленности – 20 %, сельского хозяйства – 15 %.

Столица Бангалор – четвёртый по величине городской округ с населением более 13 млн человек, крупнейший на юге Индии. Только на его долю приходится почти 40 % ВВП штата: это один из ведущих технологических полюсов мира, имеющий тесные связи с Силиконовой долиной и опирающийся на систему образования, выпускающую 400 тыс. инженеров в год. Здесь расположен шестой по величине банк Индии – Canara Bank с активами на 140 млрд долл., 87 тыс. человек в штате и филиалами в Лондоне, Дубае и Нью-Йорке; банк находится в государственной собственности. Развитие столицы в последнее десятилетие распространилось на большую часть южной Карнатаки: доход на душу населения в этих районах вдвое выше, чем в северных регионах штата. В прибрежной экономике, связанной со Средним Востоком, доминирует преимущественно мусульманская торговая община. Из его портов в Китай отправляется сырьё. Штат также является одним из центров аэрокосмической и оборонной промышленности Индии.

Старение населения идёт полным ходом: по государственным оценкам, в 2019–2021 годах рождаемость составляла 1,7 ребёнка на женщину, а к 2030 году предвидится увеличение числа населения старше 60 лет на 15 %. Эти тенденции, по мнению *Business Standard*, подтверждаются списками избирателей: по

сравнению с выборами 2018 года число избирателей в возрастной группе 20–29 лет сократилось более чем на 10 %.

Сельская местность всё ещё определяет результат

По количеству мест и голосов ИНК показывал лучший результат за последние 30 лет: из 224 мест он получил 135, набрав 43 % голосов (в 2018 году он получил 80 мест, набрав 38 %). БДП сохранила 66 мест по сравнению со 104 ранее, набрав ту же долю голосов (36 %).

Число мандатов региональной партии Джаната Дал (светская), или JD(S), снизилось с 37 до 19, а её доля голосов – с 18 до 13 %: таким образом она потеряла роль «делателя королей», которую играла после двух предыдущих выборов, но сумела избежать губительного краха, который предсказывался некоторыми аналитиками. Большая часть потерь обернулась в пользу ИНК, который доминировал в северных и центральных регионах и утвердился на юге, где получил голоса наиболее значимых общин земледельцев – лингаитов и воккалига.

БДП утвердилась в районе Бангалора и в целом во всех городских районах, где она получила 46 % голосов. Хотя она и потеряла 3 %, ей удалось подтвердить своё доминирование в прибрежной части штата, где напряжённость в отношениях с мусульманской общиной наиболее высока. Напротив, партия проиграла в своём традиционном оплоте на севере, что отчасти объясняется присутствием новой местной партии, выдвинутой горнодобывающим магнатом Джанардханой Редди, который ранее поддерживал БДП.

JD(S) – это партия Х.Д. Деве Гоуды. Сейчас ему за девяносто лет, в 1990-е годы политик был главным министром штата Карнатака, а в 1996–1997 годах – премьер-министром Индии: его считают одним из проводников компромисса между интересами сельских районов Индии и рыночными возможностями, открытыми в результате либеральных реформ.

Наследие «южного социалистического крестьянства»

Сугата Шринивасараджу в своей книге «Furrows in a field: the unexplored life of H.D. Deve Gowda»¹ пишет, что политик принадлежит к земледельческой общине воккалига в южной Карнатаке. Помимо инвестиций в сельское хозяйство и ирригацию, он также сыграл роль в создании инфраструктуры, позволившей Бангалору стать технологическим центром, а также коридора Бангалор – Майсур, который способствовал развитию южной Карнатаки.

Премьер-министр в правительстве, поддерживаемом коалицией региональных партий, Гоуда предоставил налоговые льготы IT-индустрии и открыл телекоммуникационный сектор. После его отставки фермеры Пенджаба назвали в его честь сорт риса. В 2002 году он первым выступил против насилия, которому подверглись мусульмане в Гуджарате. Сегодня его партия, как и многие другие индийские партии, основанные на политических династиях, переживает сложный этап смены поколений. ИНК стремится перехватить его наследие, и в этой предвыборной борьбе лидируют два человека: Сиддарамаяй, бывший главный министр и протеже Гоуды до 2005 года, когда он ушёл из JD(S) в ИНК, и Д.К. Шивакумар, президент ИНК в Карнатаке и член общины воккалига. Они возглавят новое правительство ИНК в качестве главного министра и заместителя главного министра штата Карнатака соответственно.

Монастыри и пребенда

По всей территории штата местные сообщества вращаются вокруг влиятель-

Южная Индия переходит на 12-часовой рабочий день

Трудовое законодательство является предметом конкуренции центра и штатов Союза: по состоянию на конец 2020 года 4 новых трудовых закона, принятых правительством Моди, ещё не вступили в силу, ожидая одобрения со стороны штатов.

Речь идёт о реформах, направленных на привлечение инвестиций и упрощение процедуры найма и увольнения работников. Однако, по мнению Т.Н. Нинана, бывшего председателя совета директоров *Business Standard*, этого недостаточно: для увеличения занятости на крупных предприятиях необходимо сократить расходы на землю, транспорт и электроэнергию.

И всё же промышленники уже давно призывают внести поправки в Конституцию, чтобы перевести сферу труда в область исключительной компетенции штатов, создав возможность быстрой адаптации законов к региональным реалиям. Штаты по-прежнему могут вносить изменения в законодательство на местном уровне с одобрения президента страны. Следуя этой процедуре, в начале года правительство БДП в штате Карнатака увеличило продолжительность рабочего дня до 12 часов в день четыре дня в неделю и разрешило женщинам работать в ночное время. Спустя несколько месяцев в штате Тамилнад был издан аналогичный закон, действие которого на данный момент приостановлено. Другие штаты рассматривают возможность внесения аналогичных изменений.

По мнению *Business Standard*, эта мера была принята в интересах IT-сектора и, как считают многие аналитики, позволила Карнатаке привлечь инвестиции от Foxconn, крупного тайваньского концерна, известного производством смартфонов Apple. Бывший директор компании Infosys Т.В. Мохандас Пай чётко формулирует требования отрасли: «Мы не говорим, что гибкость должна приводить к эксплуатации; мы говорим, что люди должны иметь возможность работать 24 часа в сутки 7 дней в неделю в определённые смены». *Business Standard* напоминает, что официально запрещённая «культура 996» (смены с 9.00 до 21.00 шесть дней в неделю) господствовала на китайской «фабрике мира». По мнению А.К. Бхаттачарьи, правительство штата Карнатака пошло на политический риск: оно может стать примером для других штатов, но при этом должно создать консультативные механизмы с рабочими для решения проблем, которые могут возникнуть в результате введения новых правил. В памяти ещё свежи воспоминания о бунте, вспыхнувшем недалеко от Бангалора, на тайваньском заводе по производству телефонов Wistron.

ных матхов – индуистских монастырей, которые владеют землёй, содержат общежития, учебные заведения и больницы. Очень часто эти монастыри отстаивают и политические интересы своей общины. Линия индуистского национализма, проводимая БДП, воспринимается многими из них как навязывание со стороны Севера Индии, без которого они легко могли бы обойтись: «Карнатака Арчака Оккута», федерация священников и работников храмов, выступила против недопущения мусульманских торговцев на территорию индуистских культовых сооружений.

По правительственным данным, в штате находится более 34 тыс. храмов, большинство из которых зависит от государственных субсидий. Правительство БДП пыталось «приватизировать» их управление, но отказалось от этой идеи. ИНК также выступил против инициативы и включил в свой предвыборный манифест обещание увеличить ежемесячную субсидию священникам.

Большая привлекательность ИНК по сравнению с БДП, прежде всего, основана на его «пяти гарантиях»: прямые денежные переводы каждой женщине, 200 кВт/ч бесплатного электричества, бесплатные автобусы для женщин, 10 кг бесплатного риса, ежемесячные субсидии каждому безработному выпускнику в течение двух лет. БДП обещает три бесплатных баллона сжиженного газа в год и бесплатные столовые в каждом избирательном округе, этого оказалось недостаточно. Согласно *The Times of India*, эти обещания свидетельствуют о всё более бедственном положении значительных слоёв городского и сельского населения: предвыборные манифесты должны быть добавлены в список косвенных экономических показателей Индии.

Lotta comunista, май 2023 г.

1 – «Борозды в поле: неизведанная жизнь Х.Д. Деве Гоуды».